

ИЩУ

СКАЗКИ
СТАРОГО
ВИАВНЮСА V

ОБЫ

Макс Фрай
Сказки старого Вильнюса V
Серия «Сказки старого
Вильнюса», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21607586

Сказки старого Вильнюса – V / Макс Фрай: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-100370-8

Аннотация

В Старом Городе Вильнюса вечно что-нибудь происходит. Здесь волшебные шляпы сами падают на головы печальных прохожих, русалки ссорятся с оборотнями, сновидения устраивают веселые вечеринки, призраки затевают аферы с недвижимостью, коты иногда превращаются в огненных змеев, в кафе подают пирожные с громом, а число улиц постоянно меняется – когда мы начали рассказывать эти истории, их было 108, а теперь стало на два с лишним десятка больше.

Придется, значит, писать шестой том.

Содержание

Улица Арклю	5
Улица Аугустиону	32
Переулок Балтасис	50
Улица Бенедиктину	68
Улица Волано	101
Площадь Дауканто	107
Улица Ишганитойо	122
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса V

© Макс Фрай, текст

© Рената Магзумова, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*** * ***

Улица Арклю

(Arkliq g.)

Встреча выпускников

Когда Юстас вышел на платформу, часы на табло показывали 22:22. Но Юстас не обратил внимания на красивое совпадение, только с легкой досадой отметил, что наверняка прибыл раньше всех. Еще даже темнеть не начало.

«Интересно, – насмешливо подумал он, – откуда я приехал?» Судя по новенькой табличке на ярко-красном вагоне, который он только что покинул, выходило, что из Минска. Ладно, предположим. Пусть так.

Юстас пошел было к выходу, но, сделав несколько шагов, остановился, сообразив, что ему, как и остальным пассажирам, предстоит проверка документов. Это было совершенно некстати: с официальными документами у Юстаса не ладилось еще со студенческих времен. Казалось бы, что может быть проще, чем паспорт? Однако Юстас ухитрился перепутать не только цвет обложки, но даже размер документа. Не говоря уже о фантасмагорических датах рождения и именах, появлявшихся по его прихоти в соответствующей графе. Гагуумап Быргуран, Ойтоёлки Маняня Трупадируаль, Виндермурмуний Сусипусиански, Клюхтойопи Увертюрингс Дыдымц – эти и другие новаторские находки Юстаса

неизменно веселили его друзей, но нервы сотрудников пограничной службы все-таки следовало поберечь.

Нет уж, ну его к черту, – решил Юстас.

Огляделся по сторонам. Народу, конечно, полно, но все бегом устремились к выходу, чтобы оказаться первыми в очереди на паспортный контроль. Вот и хорошо.

Секунду спустя никакого Юстаса на платформе не было, а порыв теплого летнего ветра подхватил разноцветный конфетный фантик и понес его в сторону вокзальной площади, где томились в ожидании клиентов ушлые виленские таксисты.

Бьянка вошла в город пешком, со стороны Утены. Одета она была в алое вечернее платье, состоявшее в основном из вырезов и разрезов, однако за спиной у нее болтался большой походный рюкзак, а белокурую голову украшал венок из крупных лиловых чертополохов, сезон цветения которых, строго говоря, еще не наступил.

Она шла так легко и стремительно, словно была обута в удобные кеды, а не в босоножки на высоченных каблуках. Но факт остается фактом: на ногах Бьянки были блестящие ярко-красные босоножки, подходящие скорее для триумфального выступления в стриптиз-клубе, чем для долгих прогулок. Впрочем, приглядевшись, внимательный наблюдатель заметил бы, что идет она, не касаясь земли.

Однако наблюдателей вокруг не было – ни внимательных,

ни рассеянных, вообще никаких. В ночь с воскресенья на понедельник даже центр города почти вымирает, об окраинах нечего и говорить. Очень удачно все-таки назначили день встречи. Можно не особо тщательно придерживаться правил поведения в населенном пункте и все равно никого не напугать.

Форнеус вообще никуда не приезжал и не приходил, просто внезапно обнаружил себя в холле какого-то ресторана; так, сходу, и не сообразишь, то ли собрался зайти, то ли наоборот, выйти. Его сомнения разрешил официант, сочувственно сообщивший: «Извините, мы уже закрываемся».

Форнеус равнодушно пожал плечами – дескать, ладно, как скажете. И вышел на улицу, где стояла такая сладкая, теплая летняя ночь, насквозь пропитанная хмельным ароматом цветущих лип и речных водорослей, что он невольно задался вопросом: почему я так долго сюда не возвращался? Ах, ну да, нам же нельзя.

Ладно, неважно. Главное, что сегодня я здесь.

Покосился на свое отражение в витринном стекле, чуть не расхохотался вслух от неожиданности: ну и вид у меня! Лысый коротышка с оттопыренными ушами, в очках с такими толстыми стеклами, что глаза за ними кажутся бледными кляксами голубого туманного киселя. Настоящий герой-любовник, ничего не скажешь. Умею я все-таки наряжаться на вечеринки. Как мало кто.

Прежде, чем припарковаться, Сибилла некоторое время внимательно разглядывала синюю табличку с правилами стоянки, наконец сообразила, что изображенные рядом с символическими монетами римские цифры I–VI означают, что по воскресеньям стоянка бесплатная. А сегодня и есть воскресенье. И быть ему воскресеньем еще примерно полчаса. Не то чтобы это было действительно важно, но Сибилла старалась никогда не нарушать правила по мелочам, тем более, случайно, по недосмотру. Недостойное поведение. Если уж нарушать правила, то осознанно и по крупному. В этом, по крайней мере, есть шик.

Ключ оставила в замке зажигания – если кто-то захочет воспользоваться, на здоровье. Если воришке крупно повезет, этот роскошный, золотой, как сны Индианы Джонса, автомобиль сохранит свою соблазнительную форму аж до рассвета. А во что он превратится потом, – злорадно усмехнулась Сибилла, – даже мне лучше не знать.

Ярко-желтый чемодан очень удивился, когда его сняли с транспортера. Это что вообще творится? Какое наглое похищение! Я не ваш! Я вообще ничей!

Но недоразумение тут же разрешилось, звонкий девичий голос сказал: «Ой! Это не мой. Надо же, я думала, желтых больше ни у кого нет».

Однако обратно на транспортер обладательница звонкого

голоса чемодан не вернула, просто поставила на пол.

Быть чемоданом, стоящим на полу, оказалось чертовски скучно. Я так не играю! – окончательно обиделась Аглая. Превратилась в полную даму средних лет с двумя увесистыми кошелками и тяжело, вперевалку пошла к выходу. Конечно, нехорошо проделывать такие фокусы на глазах у посторонних людей. Но, во-первых, им сейчас не до того, плятятся на транспортеры в ожидании своего багажа. А во-вторых, сами виноваты. Не дали мне покататься! – возмущенно думала она.

Кошелки Аглая бросила прямо у входа в зал прибытия, притворившись, что отошла на минутку, посмотреть автобусное расписание. Удачный элемент выбранного образа, кто бы спорил. Но таскаться с ними по городу – нет уж, увольте! Еще чего.

Некоторое время Джидду с интересом разглядывал свои руки – большие, как у кузнеца, в черных бархатных перчатках. На мизинце левой красовался массивный перстень, роль самоцвета исполняла розовая граненая пробка от стеклянного графина. Такой отлично выглядел бы на театральной сцене – если, конечно, смотреть откуда-нибудь из ложи, а не из первых рядов.

Впрочем, когда ты пассажир последнего ночного троллейбуса, направляющегося в депо, а одет при этом в атласную пижамную куртку, велосипедные шорты и шляпу пчеловода

с сеткой-вуалью, не стоит, наверное, излишне придираяться к своим ювелирным украшениям. Как мог, так себя и украсил. Скажите спасибо, что не повесил на шею ожерелье из кроличьих черепов.

Счастье, что троллейбус был совершенно пуст. Или, наоборот, досадно? В глубине души Джидду признавал, что, конечно, второе. Надо же, остался совершенно таким же дураком, каким был в студенческие времена! И вот это как раз почему-то чертовски приятно. Совершенно от себя не ожидал.

Джидду покинул троллейбус на первой же остановке; оглядевшись, понял, что это следовало бы сделать гораздо раньше, отсюда обратно в центр идти и идти. Эх, – вздохнул он, – значит, как всегда, опоздаю. То есть можно, конечно, стремительно к ним прилететь, но для этого придется утратить текущий облик, а он уж очень хорош. Обидно, если ребята не увидят мой новый фамильный перстень. Лучше уж опоздать.

* * *

– Почему Стефан разрешил им устроить вечеринку прямо в кукольном театре, вот чего я никогда не пойму, – сказал Альгирдас.

– Ну а где еще? – пожала плечами Таня. – Здесь отличный

мрачный подвал¹, специально оборудованный для развлечения младенцев. Им там самое место.

– Ну тоже правда, – невольно улыбнулся Альгирдас. Но тут же снова нахмурился: – Однако с какой радости присматривать за этой бандой развеселых наваждений он отправил именно нас? Да еще и наяву. Вроде бы ничего ужасного мы с тобой в последнее время не натворили. Наоборот, накрыли шайку отравителей грез, предотвратили свыше десятка покушений на целостность сознания сновидцев и добились практически стопроцентной эффективности профилактических бесед при транстопографической миграции негативных онейрологических образов², по крайней мере, после Казюкаса³ ни одного рецидива. А как Большую Весеннюю Охоту провели – до сих пор вспоминать приятно! За такое, по-хорошему, внеочередную премию положено выписать, а не дополнительную головную боль.

– Зато потом в отпуск, – мечтательно вздохнула Таня. – Вот прямо завтра с утра, сразу после окончания дежурства – отпуск, прикинь! Крепись, друг. Ты уже придумал, куда по-

¹ Вильнюсский кукольный театр «Lelė» занимает здание XVI века, владельцем которого был маршал Игнас Огинский. В так называемом «готическом» подвале здания сейчас находится Малый зал на 50 мест. Там обычно проводят театральные игры с марионетками для самых маленьких зрителей.

² Проще говоря, в случаях контрабанды кошмаров, т. е. созерцания страшных снов на территории города Вильнюса приезжими.

³ То есть с начала марта. Ярмарка Казюкас проводится в первые выходные этого месяца.

едешь?

– Боюсь, после этого дежурства я уже никуда не поеду. А пойду. Пешком. Сдаваться в психушку.

– Не имеет смысла. Психушка – это наша суровая повседневность. На то и отпуск, чтобы хоть немного сменить обстановку. Лично у меня три любимые подружки чрезвычайно удачно поселились на трех разных морях, и я собираюсь навестить всех по очереди. А ты?

– У моего друга дом в Финляндии на берегу озера. В центре озера остров, а на острове ферма, где гонят и продают смородиновое вино. В жизни не пил ничего вкуснее, но важно даже не это, а что, выпив бутылку, спишь потом десять часов кряду без единого сновидения. Именно так я и представляю себе настоящий отпуск. Сейчас даже не верится, что послезавтра уже буду там.

– Будешь, куда ты денешься, – пообещала Таня, протягивая напарнику термос с условно горячим кофе. – Да не переживай ты, – добавила она, глядя на его скорбно насупленные брови. – Все будет нормально, увидишь. Подумаешь, какое великое горе – ежегодная встреча выпускников Граничной Академии Художественных Сновидений. Пережили же мы как-то их выпускной бал.

– Вот именно, «как-то», – язвительно согласился Альгирдас. – А что половина улиц тогда поменялась местами, а потом наотрез отказалась становиться на место, и пришлось спешно перерисовывать все существующие карты города и

тайком подменять их везде, включая помойки и рюкзаки уже покинувших город туристов, так это, если тебя послушать, сущие пустяки.

– Да ладно тебе. Не нас же с тобой заставят все перечерчивать. И подменять, в случае чего, отправят молодежь.

И, помолчав, мечтательно добавила:

– А то я бы, пожалуй, такое нарисовала, что, чем исправлять, проще дружно уйти из города, забрав с собой кошек, детей, воробьев и герани, и больше никогда не вспоминать, что на этом месте когда-то был населенный пункт.

– Иногда, – усмехнулся Альгирдас, – ты рассуждаешь так, словно сама училась в этой чертовой художественной академии.

– На самом деле я бы очень хотела, – призналась Таня. – Но мне объяснили, что таких, как я, туда не принимают. В смысле настолько людей.

* * *

– Это сколько же лет мы не виделись с прошлого года? – взволнованно спрашивает Сибилла. Она вообще довольно сентиментальна, хотя глядя на любое из ее проявлений, не заподозришь. – Нет, правда, сколько? Я давным-давно сбилась со счета. Сто? Двадцать восемь? Шесть?

– Мне кажется, семнадцать, – отвечает Юстас, зачем-то поглядев на часы.

– Всего-то четыре года, – пожимает плечами Аглая. – Не о чем говорить.

– То ли семь, то ли восемь, – неуверенно хмурится Бьянка.

– Одиннадцать, – говорит лысый коротышка, в которого зачем-то превратился красавчик Форнеус.

– А по моим подсчетам выходит ровно тридцать, день в день, – улыбается Джидду. – Годы – это, конечно, субъективно; лично я всегда жадничал, старался прожить целую весну, а то и две подряд за какую-нибудь неделю, но насчет того, что день в день, зуб даю. Выпускной тоже был перед самым солнцестоянием, с девятнадцатого на двадцатое, только тогда получилось с пятницы на субботу. И весь город тоже гулял, как будто бы в нашу честь, благо погода удалась не хуже сегодняшней. Я почему, собственно, точно помню: мне так понравилась эта наша последняя вечеринка, что не меньше тысячи раз ее проживал. И, наверное, именно поэтому не особо страдал от невозможности с вами повидаться: мне хватало воскрешенных воспоминаний. Но теперь вижу вас наяву – насколько это вообще возможно, – и сразу ясно, как себя ни обманывай, а лицом к лицу несравнимо слаще.

– Ничего себе, тридцать лет за какой-то несчастный год! – восхищенно вздыхает Бьянка. – Да, ты и правда жадина!

– Ну и как, я с тех пор не слишком изменилась? – кокетливо спрашивает Аглая.

– До полной неузнаваемости, – притворно вздыхает Джидду. – За это время у тебя стало на три головы меньше, а той,

что осталась, не хватает зазубренных клыков. В них таилось столько очарования!

– Ах ты засранец!.. – хохочет Аглая, грозит ему кулаком, но вместо того, чтобы драться, виснет на его шее. – Как же я все-таки по тебе соскучилась! – признается она.

– А по мне? – возмущенным нестройным хором спрашивают остальные четверо.

– Ну а как вы думаете? – спрашивает Аглая. И становится густым предрассветным туманом, сиреневым от внезапно нахлынувших чувств.

На самом деле туман – одна из самых удобных форм для дружеской встречи. Благо обнять за один присест он способен сколько угодно народу, даже если каждый из обнимаемых сам по себе вполне бесконечное существо.

* * *

– Ну вот, пожалуйста, – сварливо сказал Альгирдас. – Полночь едва миновала, то есть нажраться до утраты рассудка они там вряд ли успели, даже если каждый заливал в сотню глоток сразу, а город уже окутан сиреневым туманом, небо над нами зеленое, стены домов, по крайней мере, здесь, на Арклю стали совершенно прозрачными, а земля у нас под ногами горит. В смысле под нашими колесами. Хорошо хоть паленой резиной, пока не воняет, но это, боюсь, только вопрос времени. Эти красотки обожают имитировать полную

достоверность, воздействуя на все чувства сразу, у них в Академии это считается особым шиком. А нам с этим шиком жить.

– Да ладно тебе, – улыбнулась Таня. – Земля не горит, а просто временно покраснела, нашим булыжникам это только на пользу, и старые стены тоже любят казаться прозрачными, пусть наслаждаются, дольше потом простоят. А туман так и вовсе в порядке вещей, обычное природное явление.

– Обычное, – кивнул ее напарник. – Что может быть обычной сиреневого тумана, который вот прямо сейчас у нас на глазах принимает форму гигантского спрута, чьи щупальца, между прочим, видны не только нам и успевшим крепко уснуть, но и бодрствующим горожанам. По крайней мере, на ближайших улицах. И, кстати, на Ратушной площади. А там всегда кто-нибудь да гуляет, даже в ночь с воскресенья на понедельник. Наверняка.

– Вот бедняги! Значит, будут теперь славить пришествие Ктулху, – расхохоталась Таня. – А сколько убедительно мутных фотографий нащелкают телефонами! Заранее страшно за инстаграм.

– Тебе бы все ржать.

– Ты прав, мне бы – да! Такое уж у меня сейчас настроение. И не только у меня, а во всем этом сновидении, общем для Старого города, в центре которого после долгой разлуки встретились веселые друзья, чтобы вместе владеть этим миром до самого утра, а там хоть трава не расти. Удивительно,

кстати, что ты не ощущаешь их радости. Обычно ты даже более чуткий, чем я.

– Да все я ощущаю, – почти сердито сказал Альгирдас. – Отличное настроение, ты права. Будь у меня сегодня выходной, я бы непременно постарался оказаться где-нибудь поблизости от этой их вечеринки, что ж я, дурак – удовольствие упускать? Но пока мы с тобой на дежурстве, нам не следует подпадать под чужое влияние, даже настолько благотворное. Это как минимум непрофессионально. И помешает быстро отреагировать, если ситуация выйдет из-под контроля. А почему, как ты думаешь, я так недоволен, что начальство нас припахало на это дежурство? Вот именно поэтому, да.

– Ой, а ведь ты совершенно прав! Невовремя я расслабилась.

Некоторое время Альгирдас снисходительно взирал на Танины попытки взять себя в руки. В смысле срочно перестать ощущать себя счастливой, и всемогущей, и влюбленной в этот смешной осьминогообразный туман, чьи щупальца ласково обнимают храмовые колокольни, и во все остальное, и во всех остальных, живых и когда-то живших, настоящих и выдуманных, а особенно, конечно, в виновников торжества.

Наконец он сказал:

– Да ладно тебе, брось, не старайся. Веселись, пока можно. Если что-то пойдет не так, этим красавцам непременно приснится, что я вылил тебе на голову ведро ледяной воды. Уж

на этот трюк моего мастерства всегда худо-бедно хватало.

– Ух какой ты грозный! – восхитилась Таня. – Настоящий мастер ночного кошмара. Вот что значит старая школа!

– Что да, то да.

* * *

– У меня с собой бутылка шампанского, – говорит Форнеус. – И я не вижу ни одной мало-мальски веской причины не открыть ее прямо сейчас. Эй, девчонки, вы что-то совсем разошлись. А ну быстро превращайтесь во что-нибудь плотное. С руками, щупальцами, клешнями или чем вы там собираетесь держать бокалы. И хоть с каким-нибудь условно ротовым отверстием, чтобы пить.

– Да почему же «условно»? – возмущается Бьянка. – Эй, красавчик, посмотри на меня! Вот эти нежные губы, созданные для поцелуев, ты сейчас назвал «условно ротовым отверстием»? Анафема тебе, стыд и позор!

– Прости, дорогая. Но у меня есть смягчающее обстоятельство: всего пять секунд назад ты выглядела, как гигантская сосулька, слегка подтаявшая – надеюсь от невыносимой любви ко всем присутствующим, а не просто от летней жары.

– Ну, – смущенно потупившись, признается Бьянка, – не без того.

И принимает из его рук бокал.

– Сибилла, детка, – строго говорит Форнеус, – ты, конеч-

но, самая прекрасная в мире огненная спираль. Уж сколько я их на своем веку перевидал, а с тобой ни одна не сравнится. Но меня мучает опасение, что в такой форме тебе будет довольно затруднительно сделать хотя бы глоток.

– Кто спираль? Я спираль?! – с деланным возмущением переспрашивает Сибилла. – Ты на меня не наговаривай, я девица порядочная, не какой-нибудь легкомысленный завиток.

И поправляет рыжий завиток у виска таким знакомым жестом, что у Юстаса замирает сердце.

– Объясни мне, Си-Би, как я жил без тебя все эти годы? Весь этот бесконечный год? – говорит он.

– Как? Наотмашь, стремглав, впопыхах, кисло-сладко, впритык, враскоряку, слегка, безответственно, молча, шатаясь, дальше придумывай сам!

Сибилла смеется, но губы ее дрожат от нежности, а глаза подозрительно блестят.

– Все мы как-то друг без друга жили, – вздыхает Аглая. – И не то чтобы лично я не старалась это изменить. Но ничего не вышло. Нам не ввали, когда предупреждали: после выпуска получится видеться только на специально назначенных встречах, только в этом городе, только летом, только в самую короткую ночь... вернее, за сутки до самой короткой ночи, но я бы не сказала, что это существенное послабление. Так зачем-то надо, ничего не поделаешь. Суров закон, но... В общем, он дура. Набитая, как по мне.

– Дура дурой, но больше одного специально обученного

созидателя сновидений ни одна территория радиусом меньше тысячи километров долго не выдержит, – напоминает ей Джидду. – Рассыплется, сотрется из собственной памяти, потеряет себя, и жизнь там станет невыносимой даже для нас самих. Только этот город с нами более-менее справляется, да и то изредка. Раз в человеческий год.

– Ну, справедливости ради, пока мы тут учились, он каждый день превосходно справлялся, – говорит Бьянка. – Как-то не рассыпался, не стирался и не забывал. И наша жизнь становилась невыносимой только накануне экзаменов, да и то не на самом деле, это же просто такая студенческая игра: все делают вид, будто ничего не знают, ужасно волнуются, пишут шпаргалки и не спят ночами, хотя заранее ясно, что все будет отлично, из нашей Академии еще никто никого никогда не отчислял.

– Однако меня же действительно чуть не выперли, когда я три раза подряд завалил имитацию письменного документа, – вспоминает Юстас. – По крайней мере, вполне убедительно грозили отчислением. Если бы Си-Би меня не натаскала, ни за что бы не сдал. Честно говоря, до сих пор толком не научился. Мой последний шедевр – паспорт республики Коми оранжевого цвета, формата примерно А3. Счастье, что по мгновенному исчезновению у меня стабильно были «десятки»; надеюсь, тот горемычный пограничник просто решил, что ему пора в отпуск, с кем не бывает, переработал, устал.

– Но на кой тебе сдалось переться с паспортом через какую-то там границу? – изумленно спрашивает Аглая.

– Ну как тебе сказать. Так-то, по идее, действительно никакого смысла. Просто я люблю романтические приключения в духе «совсем как настоящий человек».

– «Настоящий человек» в твоём исполнении – это должно быть незабываемое зрелище, – одобрительно говорит Форнеус. – Я тебя обожаю; впрочем, ты в курсе.

И вручает ему бокал.

* * *

– Скучаете? – приветливо спросил Стефан. – Вас можно понять, полноценным дебошем происходящее пока не назовешь.

Не дожидаясь приглашения, распахнул дверь патрульного автомобиля и уселся на заднее сидение.

Ну надо же, совесть у начальства оказывается все-таки есть, – подумал Альгирдас. – Не бросил нас наедине с огненной лавой, которая теперь считается мостовой, под этим треугольным газированным северным небом, кислым, как желтый лимон, на этом мятом колючем льняном ветру, с этим хрустальным смехом, который переполняет тело, с печалью обо всем несбывшемся у всего человечества сразу, со сладким мучительным обещанием неизвестно чего – когда-нибудь, не сейчас.

А вслух проворчал:

– Если это еще не полноценный дебош, страшно подумывать, чего ты от них ожидаешь.

– Они такие милые, – улыбнулась Таня. – Трогательные и забавные. Беззаботные, как дети на ярмарке, где даже небо – огромный, хоть и недосягаемый леденец. Отчаянно нежные и очень счастливые. И соскучились друг без друга так, словно не виделись целую сотню лет. Тоже мне страшные сны.

– Да почему же именно страшные? – удивился Стефан. – Странные – да, согласен. Их работа – удивлять. Зачем бы нашей Академии специально обучать кошмары? Какой от них прок? Со страхами человеческое подсознание обычно само справляется на отлично, запугивает себя так, что добрую половину так называемых спонтанных самостоятельных сновидений лично я предпочел бы никогда не досматривать до конца. Зато удивить себя хотя бы во сне мало кому по плечу. В этом деле людям нужны помощники. То есть выпускники нашей Художественной Академии. Их именно этому и учили: выбивать из колеи, смущать, поражать воображение, кружить головы и давать надежду на нечто неизъяснимое, но бесконечно важное, хотя, конечно, вряд ли возможное. С другой стороны, мне ли не знать, иногда невозможное вдруг оказывается единственной реальностью, данной нам в ощущениях. Хорошие специалисты еще и не до такого цугундера доведут.

– Так-то оно так, – согласился Альгирдас. – А все-таки их

выпускные балы – сущее наказание. Счастье еще, что случаются только раз в девять лет. Но ежегодные встречи выпускников – это, по моему, перебор. Раньше такого не было. Кто им вообще разрешил?

– Да я и разрешил, кто же еще. По настоятельной просьбе педагогического коллектива и других заинтересованных лиц. Чрезвычайно, надо сказать, заинтересованных. Чуть предпоследнюю душу из меня не вытрясли, требуя позволить этому выпуску ежегодные встречи. Впрочем, не то чтобы я особо сопротивлялся. Сам понимаю, иначе нельзя. Ребятам и правда необходимо хотя бы изредка встречаться друг с другом. И где, если не у нас.

– А почему именно им? – оживилась Таня. – Что с ними не так?

– Да, можно сказать, вообще все не так. Самый необычный набор за всю историю нашей Художественной Академии, где с момента основания учились эфирные духи, истосковавшиеся по возможности иметь хоть какую-то форму; вымыслы, мечтающие воплотиться; закончившиеся ураганы, не желающие размениваться на сквозняки; неудачные пророчества, фрустрированные невозможностью сбыться; отражения ангелов, застрявшие в зеркалах, но сумевшие выбраться на волю; раскаявшиеся суккубы, внезапно проникшиеся идеей общественной пользы, и прочие существа, для которых морочить людей в сновидениях – вполне естественное дело. Надо только отработать несколько тысяч новых

приемов, ознакомиться с техникой безопасности, накопить побольше разнообразного опыта под присмотром преподавателей и набраться свежих идей.

– А эти? – нетерпеливо спросила Таня.

– Даже не знаю, как сформулировать, чтобы не сбить вас с толку. Скажем так, все они слишком рано осиротевшие вымышленные друзья.

– Чьи?!

– Чьи – это на самом деле уже совершенно неважно. Говорю же, ребята осиротели. В смысле выдумавшие их мечтатели умерли – кто в детстве, кто в ранней юности. Дело, конечно, не в этом, многие люди умирают, не достигнув зрелого возраста. И некоторые из них успевают сочинить себе целую кучу друзей, это довольно распространенное хобби. Но мало кто вкладывает в свои фантазии столько силы и страсти, что они становятся почти материальны. И уж точно одухотворены, в этом смысле с ними, честно говоря, трудно сравниться. Эти существа рождены любовью, граничащей с бесконечным отчаянием. Можно сказать, созданы для любви – в данном случае это, как вы понимаете, совсем не метафора. После смерти своих создателей ребята не просто остались в одиночестве, но и лишились единственного смысла своего существования, который состоит в том, чтобы быть самым близким другом, бесконечно любить, отчаянно дорожить.

– Боже, – ахнула Таня, прижав ладони к щекам.

Ее напарник отвернулся к окну в надежде, что хотя бы его

затылок выглядит более-менее невозмутимо. С лицом-то, ясно, совсем беда.

— Да ладно вам, — сказал Стефан. — Сами видите, все закончилось хорошо. Но начиналось, конечно, — хуже не придумаешь. Бедняги совсем свихнулись от горя, одиночества и полной невозможности умереть. И вдруг выяснилось, что это не только их проблема, а наша общая. Их настроение уже тогда, задолго до обучения обладало достаточной силой, чтобы влиять на город. Не то чтобы все виленские обыватели сутками напролет оплакивали бессмысленность своего существования, но на пару тысяч лютых депрессий эти красавцы нам статистику ухудшили. И тогда мне пришлось выходить на охоту. Теперь-то смешно вспоминать: приготовился к встрече с новым неведомым злом, а когда увидел виновников наших бед, чуть не прослезился. Какое уж там зло, просто самые одинокие дети во Вселенной. Но пока я раздумывал: что с ними теперь делать, куда девать, как облегчить их боль, разрушительную для всего остального мира, они успели найти выход самостоятельно. В смысле обрести друг друга. Строго говоря, это было вполне неизбежно: камера предварительного заключения для овеществленных наваждений у нас всего одна. И уже к утру в этой камере сидели не изнывающие от тоски сироты, а компания влюбленных друг в дружку лю... Нет, конечно же, не людей, а явлений природы, не поддающихся точной классификации. Оставалось придумать, как бы приставить их к делу, которое, если повезет,

станет для них новым смыслом. Таким, чтобы мог заполнить и очень короткую, и бесконечную жизнь – никто пока точно не знает, насколько долгоденствуют подобные существа. К счастью, руководство Академии Художественных Сновидений загорелось идеей набрать такой... специфический курс. По их словам, отлично получилось, один из лучших выпусков за всю историю; к последнему курсу ребята даже дебоширить научились, а этого от них никто особо не ждал. Но, в отличие от других выпускников, которые, получив дипломы, разлетаются по свету, даже не всплакнув напоследок, эти ребята очень привязаны друг к другу и, конечно, тоскуют в разлуке. Это их уязвимое место. Все-таки они изначально созданы для любви. Пришлось это учесть и пойти им навстречу: разрешить ежегодные вечеринки. Впрочем, сейчас я понимаю, что это скорее выгодная сделка, чем благотворительность. Городу их любовь и радость только на пользу. Достаточно посмотреть, как все у нас изменилось за последние десять лет.

– Именно десять? – переспросил Альгирдас.

– Ну да. С начала их учебы.

– Да, пожалуй, все сходится.

– Еще как сходится, – подтвердила Таня.

И они умиротворенно замолчали, наблюдая, как печные трубы тянутся ввысь, принимая форму деревьев, и вот уже над городом шумит листвою, дрожит, трепещет, переливается всеми цветами радуги кривой, косой, словно бы наспех

неумелой детской рукой нарисованный, но, вне всяких сомнений, не какой-нибудь, а именно райский сад.

— Однако рисунку их, похоже, так и не научили, — наконец усмехнулся Альгирдас. — А ведь, по идее, профильный предмет.

— Это в обычной Художественной Академии он профильный, — напомнил ему начальник. — А у наших просто короткий спецкурс; кажется, даже не обязательный к посещению. Возможно, напрасно, ты прав.

* * *

— Ты лей, я скажу, когда хватит, — хохочет Аглая.

Форнеус уже хорошие пять минут льет шампанское в подставленный ею бокал, щедро, толстой струей, но несмотря на его старания, бокал по-прежнему пуст, а бутылка полна примерно на четверть. Однако Форнеус, конечно, сохраняет полную невозмутимость, такой ерундой его не проймешь.

Аглае всегда очень нравился голубоглазый щеголь Форнеус, поэтому она любила его меньше, чем остальных сокурсников, обычное дело, чрезмерное восхищение всегда мешает любви. Но нынче ночью он явился на встречу нелепым лысым коротышкой в очках, форменным олухом царя небесного, и Аглаю наконец отпустило. Любить такого Форнеуса оказалось легко и приятно, и теперь Аглая дразнит и задирает его, стараясь наверстать упущенное, а он совершенно

не возражает, наоборот, радуется, что все наконец встало на место, говорит себе: ясно теперь, для кого я так по-дурацки вырядился на вечеринку, зачем мне этот костюм.

– ...такой крутой чувак оказался, – рассказывает Джиду. – Когда я впервые ему приснился, сразу меня вычислил, хотя я в тот момент был скорее местом действия, чем персонажем, чем-то вроде заброшенного города в джунглях, почему-то выглядевших как степь. Но он тут же сказал: «Ага, наконец-то в моих снах объявился кто-то посторонний». Я так растерялся, что обрадовался уже потом, задним числом, сообразив, что у меня завелся новый приятель. Это же большая редкость среди сновидцев – люди, способные с нами дружить или хотя бы просто поддерживать разговор. А я, сами знаете, и до этого жаден безмерно. В смысле до душевных разговоров и новых знакомств.

– И до новых романов, – подмигивает ему Сибилла.

– Да, конечно, – легко соглашается тот. – Роман – естественное продолжение приятного знакомства. И довольно веский повод поговорить!

– Этому фанту показать нам свое подлинное лицо, – говорит Бьянка.

Фантом оказывается паспорт Юстаса, полосатый, как тельняшка, узкий и вытянутый, зато толстый, как два тома «Войны и мира». Хорошо, что не стал показывать его погра-

ничникам, а для игры в фанты в самый раз.

Присутствующие растерянно переглядываются. Довольно неудачная шутка. Бьянку иногда заносит, к этому вроде бы все привыкли, но «подлинное лицо» – это все-таки перебор.

Но Юстас разряжает обстановку.

– Подлинное! Ну ты даешь! – смеется он. – Если бы оно у меня когда-нибудь было, я бы первым делом постарался его забыть.

– Конечно, ты постарался, – соглашается Бьянка. – И все у тебя получилось. Извини, что спросила. Просто иногда натурально умираю от любопытства: какой ты на самом деле? Ну, в смысле каким ты когда-то был? И я, и все остальные.

– Вряд ли это действительно так уж интересно, – примирительно говорит Джидду. – Лично я, докопавшись до самых потаенных глубин своей памяти, ничего увлекательного там не обнаружил. Только боль. Очень много боли. А боль кажется забавным ощущением только первые две секунды. Дальше уже не то.

– С детьми проще всего, – говорит Сибилла.

И все дружно кивают: еще бы! Одно удовольствие иметь дело с детьми.

– Так вот, – продолжает Сибилла, – я придумала, как поступать со взрослыми. Очень простой лайфхак, но я до сих пор не слышала, чтобы кто-нибудь это делал, поэтому рассказываю, учитесь, пока жива. Если взрослому снится, что

он снова ребенок, он и ведет себя потом соответственно. Вообще без малейшей фальши, как будто иначе нельзя. Практически из любого взрослого можно сделать идеального компаньона; до сих пор мне встретилось всего два исключения, но оно и понятно: первый с рождения болен, а второй, как выяснилось, вообще не очень-то человек. Но очень умело замаскированный, я до последнего момента не заподозрила подвоха.

– Боже, но кто же тогда? – смеется Форнеус.

– До сих пор понятия не имею. Мы очень быстро расстались. Сразу после того, как оно поняло, что не ест таких, как я. Это было очень воодушевляющее открытие! До сих пор рада, что пронесло.

– Пока вы, зануды, кудахчете о работе, у меня в кастрюле закипает крепчайший весенний дождь семилетней выдержки, – говорит Джидду. – Ну что вы так смотрите, разве забыли, что мы пили в честь окончания третьего курса? Так вот, этот точно такой же, только шотландский. Тамошние горцы знают толк в пьяных дождях.

Ответом ему становится общий восхищенный вздох. И звон поспешно подставленных кружек.

* * *

– О. Вот теперь они наконец-то ведут себя, как нормаль-

ные люди, а не какая-нибудь прогрессивная мистическая молодежь, – ухмыльнулся Альгирдас. – Нажрались и песни орут. Хорошо хоть «Оду к радости»⁴, а не «Ой, мороз-мороз».

– Страшно даже подумать, к чему бы это могло привести в июне, – подхватила Таня.

– Да ладно вам, – сказал Стефан. – Не настолько мы олухи, чтобы совсем забыть на меры безопасности. «Оду к радости» с ними перед выпускным специально разучивали, предварительно подпоив за казенный счет. Столько раз заставили повторить, что натурально выработали условный рефлекс. Теперь эти красавцы чуть только примут на грудь, сразу заводят: «Все, что в мире обитает, вечной дружбе присягай!»⁵ По-моему, неплохое техническое задание для окружающей реальности. Не то чтобы я верил в настолько легкий успех, но чем черт не шутит, вдруг нас всех однажды проймет?

⁴ «Ода к радости» была написана немецким поэтом Шиллером и позже положена на музыку Бетховеном (вошла в состав его 9-й симфонии).

⁵ Фрагмент текста «Оды к радости» в переводе И. Миримского.

Улица Аугустиону (Augustijonų g.) Билет и чемодан

– По-моему, тебе пора в отпуск, – говорит Нёхиси.

Это, во-первых, чистая правда. А во-вторых, конечно, полная чушь. Какой может быть отпуск?! Еще чего.

– Еще чего, – огрызаюсь я. Вслух, чтобы было понятно: это не случайная вздорная мысль, рожденная духом противоречия, а моя официальная позиция.

Но Нёхиси моя официальная позиция до одного места. Он настойчивый.

– Ты на себя в зеркало посмотри, – говорит он. – Если, конечно, в городе найдется хоть одно настолько безумное, что согласится тебя отражать. А жаль, зрелище поучительное. Ты же зеленый уже!

– Не уже, а еще. Я, если ты не заметил, с мая зеленый. Как минимум раз в неделю. Обычно по вечерам.

– То-то и оно что с мая, – вздыхает Нёхиси. – Никогда еще с тобой такого не было, чтобы дурацкая шутка затягивалась так надолго... Эй, это что за нелепое недоразумение прямо перед моим носом? Откуда оно взялось?

– Это кулак, – объясняю я. – Мой. Одна штука. Не настолько пудовый, как хотелось бы, но уж какой есть. Я тебе

им грожу.

– Ясно, – кротко кивает Нёхиси. – Ладно, хорошо, не дурацкая. Но и остроумные шутки обычно надоедают тебе после первого употребления. Повторяться ты не любитель.

Это, кстати, чистая правда. Но зеленеть мне почему-то пока не надоело. Этот цвет лица меня неизменно смешит.

– Черт знает что с тобой в последнее время творится, – снова вздыхает Нёхиси. – По-моему, ты слишком много работаешь. И почти перестал развлекаться. Хотя развлекаться – и есть твоя основная работа. Такой вот удивительный парадокс.

– Погоди. Как это – перестал развлекаться? А чем, по-твоему, я занимаюсь по сто сорок восемь часов или сколько их там в этих дурацких сутках, которыми здесь зачем-то измеряют время?

– Всего двадцать четыре. Согласен, что маловато, но продолжительность суток не в моей компетенции. Извини.

– Вот сколько есть, столько и развлекаюсь. Не покладая верхних конечностей и временами задействуя нижние. Что не так?

Нёхиси молчит, но столь выразительно, что крышу заброшенного двухэтажного дома на улице Аугустиону, где мы сегодня засели, окутывает влажный, густой, совершенно осенний туман, а температура воздуха резко понижается с плюс двадцати четырех до примерно семи. Но все-таки выше нуля. И на том спасибо.

– Прорехи, которые ты оставляешь в реальности, становятся все шире, – наконец говорит Нёхиси. – Но валится из них на наши головы, по большей части, какая-то па... Ладно. Скажем так не настолько забавные штуки, как раньше. То есть, вообще не забавные. Как магнитом их сюда тянет. И это совсем не смешно.

Я начинаю понимать, что разговор, который я считал дружеским трепом, как-то незаметно превратился в производственное совещание. В ходе которого мне делают самый настоящий втык. Тоже, надо понимать, производственный. Интересное ощущение. Отчасти даже прельстительное – свежестью и остротой.

– Ты почти перестал вытворять бесполезные глупости, – продолжает Нёхиси. – Как будто – типун мне на язык! – вдруг повзрослел. И разлюбил свои лучшие игрушки. Это, конечно, можно понять, ни одно сердце в мире не безразмерно, даже твое. А все-таки моста через Вильняле напротив Бернардинского кладбища мне жаль до сих пор. Такой был отличный почти общедоступный путь к новой судьбе; не удивлюсь, если кратчайший во всей Вселенной. И тайная лестница во дворе на Бокшто, спускаясь по которой практически каждый получал небольшой шанс угодить прямо в Тонино кафе, теперь закрыта на ремонт. Для завсегда, понятно, невелика проблема, у них свои тропы, но этой твоей замечательной лотереи для случайных прохожих больше нет.

– Мост я не разлюбил, а просто не удержал, – признаюсь

я. – Всего на несколько дней отвлекся, перестал по нему гулять, а оказалось, мое внимание было не одной из множества опор, как я думал, а последней, единственной. Мне самому очень жаль. Но что касается лестницы у Тониного кафе, поверь, все только к лучшему. В последнее время там стали появляться чрезвычайно неприятные визитеры. Приходить приходили, но не видели ничего, кроме пыльных руин. Даже музыку не слышали, прикинь. От их невидящих взглядов штукатурка над барной стойкой трещинами пошла. И угадай с трех раз, кого припахали шпатлевать стены? Тоже, конечно, взглядом. Но все равно тяжелый физический труд. Терпеть не могу такой ерундой заниматься. В общем, я рассердился и прикрыл лестницу. Временно. Когда остыну, снова открою. Ну или не открою. Поглядим. Как пойдет.

– Ладно, – неохотно соглашается Нёхиси. – Ежедневно шпатлевать стены и правда невелика радость. Но ангел-то чем тебе не угодил? Отлично смотрелся в арке на Ужупе со своей трубой и добросовестно отменял личный конец света для каждого, кто проходил там в трудную минуту. А красный самолет с улицы Тоторю?..

– Да почему сразу «не угодил»? Они просто улетели – и ангел, и самолет. Все, что наделено крыльями, имеет полное право летать. Пришлось им немного помочь – просто ради торжества целесообразности формы. А ребята, понятно, вошли во вкус. Не силой же их теперь возвращать.

– Силой не надо. Да и проблема не столько в том, что их

больше нет, сколько в твоём настроении. Что нового появилось в городе за последний год? Четыре бездонные пропасти, очередной филиал Серого Ада аж с тремя роковыми закусочными – вот уж чего от тебя никто не ожидал! – и этот жуткий трамвай, курсирующий по Пилимо...

– С чего это вдруг он «жуткий»? По-моему, шикарный, совершенно невозможный трамвай; в каком-то смысле, ничем не хуже исчезнувшего моста. Куда сам пожелает, туда и завезет. И наконец-то долговечный! Все его предшественники исчезали буквально через пару часов, а этот с прошлого сентября исправно появляется на одной и той же улице в определенные лунные дни. Не надо его ругать. Я изобретал этот трамвай в поте лица, долгими зимними вечерами, босой, при лучине, питаюсь исключительно вермишелью, застрявшей в бороде на позапрошлогоднем благотворительном обеде для горемычных сирот...

Нёхиси начинает ржать. Устал я или нет, а рассмешить его мне всегда удастся. Наверное, потому, что в этом и состоит мое основное предназначение – его веселить.

– Согласен, отличный трамвай, – наконец говорит Нёхиси. – Но некоторых пассажиров он увозит в такой невообразимый кошмар, что не хотел бы я оказаться на их месте. Впрочем, возможно ты прав, и это лучшее, что могло бы с ними случиться. А все равно тебе давным-давно пора в отпуск. Всем иногда надо отдыхать.

– Легко сказать – в отпуск. Вот как ты себе это представ-

ляешь?

– Обыкновенно. Во-первых, тебе понадобится большой чемодан...

Я делаю страшное лицо, но Нёхиси этим не проймешь.

– А в чемодан непременно надо положить плавки, – добавляет он. – Люди всегда берут в отпуск плавки. Такие специальные мокрые трусы для купания в море. Где-то я об этом совсем недавно слышал. Или читал.

– Ладно, – киваю я. – Ты меня практически убедил. Большой чемодан, набитый мокрыми трусами, – это очень серьезное искушение. Как тут устоять.

– И еще билет, – говорит Нёхиси. – Я точно знаю, что должен быть билет. Потому что без билета тебе придется лететь в отпуск просто с попутным ветром. Что само по себе скорее удовольствие, чем проблема. Но вряд ли ветер сможет прихватить с собой чемодан. А без чемодана отпуска не бывает.

– На самом деле бывает. Например, с рюкзаком. Или просто с кредиткой в кармане, чтобы купить все на месте. Но я не настаиваю. Пусть будет по-твоему. Билет и чемодан.

– Ну и отлично, – улыбается Нёхиси. – Значит, ты отправляешься в отпуск. – И снова став серьезным, добавляет: – Надолго я тебя, конечно, не отпущу. Но неделю-другую вообразать, будто ты – просто беззаботный богатый бездельник, уехавший к морю, я, пожалуй, смогу.

– «Беззаботный богатый бездельник» – это соблазн покруче, чем полный чемодан плавков. Никогда не пробовал, как

это. Но в юности, грешным делом, хотел таким стать.

– Ну вот и попробуешь, – говорит Нёхиси. – Я, собственно, почему так настаиваю. Вчера случайно подслушал один разговор. Люди в кафе обсуждали планы на отпуск и пришли к выводу, что путешествовать надо как можно чаще, хотя бы в соседний город, на пару дней. Потому что человек устает не столько от тяжелой работы сколько от повседневного образа себя. И я начал беспокоиться: все-таки ты время от времени утверждаешь, будто когда-то был человеком. Вдруг это правда? И вдруг оно у тебя... не совсем прошло?

«Не совсем прошло» – это он, конечно, метко меня припечатал. Что тут возразишь.

– Честно говоря, я просто боюсь, – признаюсь я.

– Ты боишься?! Да ну, не заливай. Чего?

– Ну как – чего? А вдруг ты сам себе поверишь, когда станешь воображать меня беззаботным бездельником с чемоданом, набитым плавками и билетом на самолет. И я навсегда им останусь. А ты без меня заскучаешь. И наш распрекрасный хаос понемногу начнет без меня упорядочиваться. И горожане с туристами перестанут то и дело проваливаться за подкладку реальности. И постепенно затянутся все небесные щели, даже самые безобидные, из которых приходят только тревожащие воображение сны, а это уже совсем никуда не годится. Может, ну его к лешему, этот отпуск?

– Конечно, я без тебя заскучаю, – говорит Нёхиси. – Заранее страшно подумать насколько! Но ничего. Неделю уж

точно как-нибудь потерплю, а потом выдумаю тебя заново, мне не привыкать. И ты тут же вернешься из отпуска, довольный и отдохнувший. Как видишь, я все предусмотрел.

Кто из нас кого выдумал – это, конечно, отдельный вопрос. У каждого из нас на него как минимум два ответа: «ты» и «я». А еще есть Стефан, совершенно уверенный, будто призвал нас обоих звуками своего бубна и, подкупив обильными жертвами, уговорил не только задержаться подольше, но и решить, будто мы тут были всегда. А еще есть небытие, время от времени нашептывающее мне: «На самом деле вас обоих вообще нет». И несговорчивые древние духи этой земли, которые считают город в месте слияния рек и реальностей случайным недоразумением, а нас – бессовестными самозванцами; им, конечно, с нами не сладить, но по мелочам пакостят изобретательно и так вдохновенно, что лучше бы, ей-богу, учились красить картины и сочинять стихи.

Все вышеперечисленное вносит в нашу с Нёхиси жизнь достаточно неопределенности, чтобы заставить меня опасаться нарушить сложившееся равновесие. Поэтому я ни за что не...

– Эй, – смеется Нёхиси, – с каких это пор ты разлюбил рисковать?

– С недавних, – мрачно говорю я. – И это, конечно, не дело. Наверное, мне и правда пора отдохнуть.

С этой мыслью я и просыпаюсь: мне пора отдохнуть. В первую очередь, от себя – если уже даже во сне мне об этом твердят, дело плохо, значит, и правда устал. А потом вспоминаю, что отдых – это больше не умозрительная идея, а план, к исполнению которого я приступлю вот прямо сейчас. Выпью кофе, схожу куда-нибудь позавтракать и поеду в аэропорт. Билет в кармане, до вылета почти четыре часа.

Пока варится кофе, я смотрю на улицу Августиону, куда выходят окна моей новой квартиры. Странная улица – узкая, непроезжая, и ни единого дерева, только камень и солнечный свет. Слева – мрачные здания Иезуитского колледжа, справа – новенькая студия йоги, стены которой выкрашены в жизнерадостный, как скрежет зубовой, оранжевый цвет. Это я, конечно, очень удачно поселился, аккурат между двух огней, в смысле путей к спасению; оба не для меня. Зато в центре, то есть прямо напротив моего окна установлен своего рода мемориал богооставленности – три мусорных бака, доверху заполненных, скажем так, правдой жизни. Правда жизни, как ей и положено, энергично смердит, назло иезуитам, йогам и романтично настроенным агностикам вроде меня. Замыслившим побег.

При мысли о побеге у меня снова поднимается настроение. Наливаю себе кофе, смотрю на огромный серебристый

чемодан, нежно, как на спящую возлюбленную, – еще не время ее будить. В смысле пока рано волочь его вниз. Сперва завтрак, чемодан подождет.

Жизнь в Старом Городе позволяет сэкономить на покупке сковородки. В смысле совершенно необязательно готовить себе завтрак, достаточно выйти из дома, и все омлеты этой части Вселенной к твоим услугам. Надо только выбрать, куда идти, и вот это, кстати, проблема таких масштабов, что, ей-богу, легче было бы пожарить омлет самому. Но я не пасую перед трудностями, а просто бросаю монетку. Орел – направо, решка – налево. При каждом новом приступе нерешительности повторить.

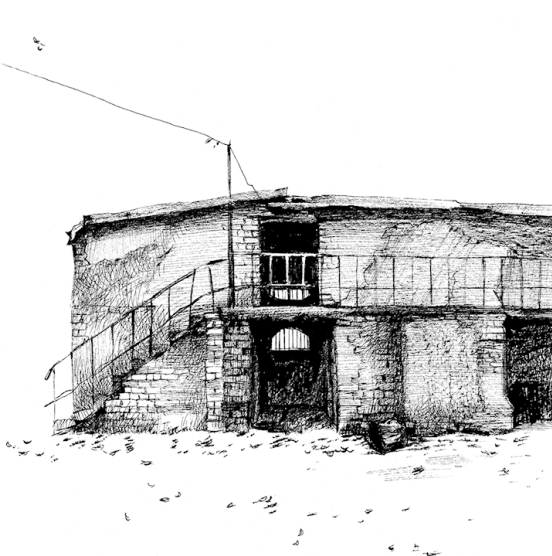
Сегодня направо, и это значит, что монетку мне еще бросать и бросать, очень уж много разнообразных соблазнов таится в той стороне. Но, положив руку на сердце, всем бы такие проблемы. Спорю на что угодно, загорелый старик, роющийся сейчас в одном из мусорных баков, поменялся бы со мной, не глядя. А я с ним, пожалуй, нет.

Ну и дурак, – сердито говорю я себе. – Глупо мыслить стереотипами. Роемся в мусоре – значит, совсем пропащий, жизнь его тяжела. А между тем выглядит дед отлично. И одет не хуже меня. Чем сожалеть о его печальной судьбе, лучше подумай, что такой джентльмен может искать в помойке. Наверняка потерянное сокровище, пиратский сундук или случайно выброшенный в мусор золотой слиток. Полутораки-

логарммовый. Например.

Впрочем, – думаю я, – это ужасно скучно. Ну, слиток, ну потерял, ну нашел, припер домой, поставил на место, тоже мне великое приключение. Лучше так: например, дед узнал, что в одном из мусорных баков спрятана... ай, чего мелочиться, пусть будет Книга Судеб. Понятия не имею, как она там поместится, но все равно, хотя бы один из томов, где, предположим, записаны судьбы жителей нашего Старого Города или, скажем, всех горожан, чьи имена начинаются на букву «Б». Понятия не имею, по какому принципу ангелы-хранители ведут документацию, но главное, что ведут. И один из них – то ли уникальный балбес, в сто раз хуже меня, то ли напротив, хитрец, каких мало, – хранит свои записи в мусорном баке, как в сейфе. Знает, что никто не польстится на выброшенную в помойку старую исписанную тетрадь; это, кстати, объясняет, почему у нас так редко вывозят мусор: с ангельской волей коммунальным службам не совладать. И этот смуглый старик – конечно же, великий маг и алхимик, возможно, недавно прибывший к нам из Магриба верхом на рейсовом джинне – как-то пронюхал, что здесь хранится, и отправился на поиски. Во-первых, такое любому интересно почитать! А во-вторых, пока хозяин тетради беззаботно скачет по облакам, можно найти в списке имя – свое, или лучшего друга, или бывшей возлюбленной, или самого злого в мире злодея, за чьей головой охотишься уже тысячу лет, – и дописать пару строк. И дело в шляпе, написанное не выма-

раешь, да и вряд ли ангел так уж дотошно всякий раз проверяет...

Нелепая версия, это я и сам понимаю, но ничего не поделаешь, надо же как-то себя развлекать по дороге на завтрак. Почти дойдя до угла, я оборачиваюсь – как там успехи у моего магрибского мага-алхимика? И вижу: старик действительно держит в руках большую тетрадь в темно-коричневом переплете, что-то торопливо в ней черкает, закрывает, кидает

обратно в бак и поспешно исчезает – то ли за дверью Иезуитского колледжа, то ли просто посреди бела дня, у меня на глазах.

Больше всего на свете люблю такие нелепые совпадения. Отлично начался день. Главное теперь не испортить себе удовольствие, не броситься к помойке за этой дурацкой тетрадь, чтобы, упаси боже, не обнаружить там какие-нибудь расходные записи или, того хуже, любительские стихи. Потому что пока не знаешь наверняка, можно воображать что угодно. Например, что я угадал, и старик действительно переписывал чью-то судьбу, и все у него получилось, и теперь...

Нет знака препинания лучше многоточия, хотя на письме ими, конечно, не следует злоупотреблять.

Теперь я не просто иду завтракать, а лечу, натурально на крыльях любви, – к жизни, которая снова кажется мне по-настоящему удивительной штукой, надо только не лениться самостоятельно раскрашивать ее в соответствующие цвета. А я в последнее время как-то утратил эту свою замечательную способность устраивать себе отличные развлечения буквально из ничего. Наверное, просто устал – от себя, больше-то, по идее, не от чего. Хорошо хоть хватило ума купить билет на самолет к далекому теплему морю и собрать чемодан. Все-таки великое дело отпуск – еще никуда не уехал, а усталость, похоже, уже прошла.

И это только начало, – говорю я себе, проходя мимо оранжевого особняка, где недавно открыли студию йоги. С тех пор я мечтаю заказать в мастерской табличку с дурацкой надписью, например «Общество охраны прав василисков» или «Комитет нарушений причинно-следственных связей», и однажды безлунной ночью тайно ее подменить. Вернусь – надо будет этим заняться. И, кстати, нарисовать уже на каменной мостовой улицы Августину тени деревьев, которые здесь не растут. Мне несложно, бывших художников не бывает. А какой будет эффект! – думаю я, ковыряя вилкой омлет. Откуда он, кстати, взялся? В смысле когда это я успел зайти в кафе и даже дождаться заказа? Вопрос риторический; ясно, что пока я прикидывал, сколько краски и времени уйдет на рисование теней, откуда следует начинать и не позвать ли помощников, а если да, то кого, жизнь продолжалась, и я в ней довольно активно участвовал – не приходя в сознание. Все-таки мой автопилот удивительный молодец.

Я жую, почти не чувствуя вкуса, потому что разглядываю через окно ярко-синюю дверь на противоположной стене улицы и думаю: как же жаль, что человеческие возможности ограничены, и я не могу сделать так, чтобы эта синяя дверь каждый день оказывалась в каком-нибудь новом месте. Не то чтобы в этом был какой-то особый прок, но такие штуки бросаются в глаза, запоминаются, вносят в повседневное размеренное существование элемент божественного противоречия, лишают реальность избыточной плотности, от ко-

торой на самом деле очень легко устать, вон даже я устал, хотя казалось бы... Хотя, – думаю я, – двери на разных улицах можно время от времени тайком перекрашивать; это, конечно, наверняка считается хулиганством и карается штрафом. Надеюсь, что только штрафом, потому что если уж мне припекло, держите меня семеро; впрочем, все равно не удержите. Непременно этим займусь, как только вернусь из отпуска и нарисую на Августииону хотя бы десяток древесных теней. И закажу какую-нибудь дурацкую табличку для студии йоги. Надо же, сколько дел! Прямо хоть не уезжай.

Но билет жжет мне карман, пепел кармана стучит в моем сердце, на пороге моей квартиры нервно поскрипывает колесиками собранный чемодан, боится, вдруг я без него уеду. Поэтому я откладываю в сторону вилку и, расплатившись, выхожу из кафе. По дороге успеваю придумать площадь имени Летучего Голландца, которая иногда туманными вечерами мерещится праздным гулякам вроде меня самого, огорчиться, что устроить такую штуку уж точно не в человеческих силах, увидеть над входом в студию йоги табличку «Общество охраны прав нарушителей причинно-следственных связей», почувствовать, как волосы натурально становятся дыбом, решить, что такая прическа мне наверняка к лицу и несколько раз промахнуться ключом мимо замочной скважины: руки у меня те еще дураки, чуть что не так – дрожат. Я уже отчаялся воспитать в них стойкость.

Дома выясняется, что время у меня есть как минимум на еще одну чашку кофе, а пока он варится, хорошо бы проверить, что творится в моем чемодане, потому что собирал я его вчера явно на автопилоте, и теперь совершенно не помню, что туда положил. Но гораздо важнее, что возня с чемоданом отвлечет меня от размышлений о том, откуда взялась табличка над йоговской студией. Именно то, что мне сейчас требуется, потому что какой же дурак согласится сойти с ума накануне отпуска, буквально пару часов до вылета не дотянув.

Открыв чемодан, я действительно сразу забываю о дурацкой табличке. Какая может быть табличка, когда из чемодана к моим ногам вываливаются плавки – не одни, а десятки, нет, сотни плавок разных фасонов, цветов и размеров, мокрых настолько, что по полу от них в разные стороны текут ручейки; сливаясь, они превращаются в реки, вода прибывает, минуто спустя меня уже окружает самое настоящее море, оно мне сейчас как раз по колено, самое время идти на дно, в смысле, садиться на пол и хохотать, наконец-то вспомнив, откуда эти мокрые плавки взялись.

* * *

– Это нечестно, – говорю я. – Тоже мне отпуск! Какие-то жалкие полтора часа.

– Час тридцать восемь минут, – педантично поправляет

меня Нёхиси. – Я засекал. Однако этого хватило. Твою усталость как рукой сняло.

– Я не то что до моря, а даже до аэропорта не добрался, – говорю я, изо всех сил стараясь изобразить хоть какое-то подобие негодования на своем лице, стремительно превращающемся в безобразно довольную рожу.

Нёхиси тактично делает вид, что не замечает моих провальных попыток. Хотя, по идее, мог бы задразнить.

– Извини, – с несвойственной ему кротостью отвечает он. – Я без тебя как-то неожиданно сильно заскучал. Сам удивляюсь – с чего бы? Теоретически я всемогущ, а значит, могу все, в том числе прекрасно без тебя обходиться. Но теория внезапно разошлась с практикой. Видимо, это и называется «форс-мажор». С другой стороны, все к лучшему. Эта твоя идея с тенями от несуществующих деревьев очень уж хороша, а рисовать их все-таки лучше не той краской, которую можно купить в любой художественной лавке, а новейшим тенеимитатором из моих запасов. Пару банок я охотно тебе ссужу.

– И сможешь мыть кисти, – говорю я условно суровым тоном. Очень условно суровым, потому что голос сейчас повинуется мне не лучше, чем лицо.

– Помогу, – соглашается Нёхиси. – Кто же, будучи в здравом рассудке, доверит тебе самому отмывать кисти? Даже не знаю, во что они превратятся после такой процедуры. А инструменты хорошие, дорогие, еще пригодятся. Надеюсь, не

раз.

– А потом я...

– А потом ты займешься исчезающей площадью, – твердо говорит Нёхиси. – Будет обидно, если ее никто никогда не увидит. Например, сегодня на закате в районе Тибетского сквера. И завтра вечером где-нибудь возле Нерис. И после-завтра...

– Да не вопрос, – улыбаюсь я. – Я еще помню, как мне было обидно, что устроить такую штуку не в человеческих силах. Чертовски приятно вспомнить, что «не в человеческих» означает «вполне в моих».

Переулок Балтасис

(Baltasis skg.)

Дело в шляпе

Уже почти возле дома, на углу улицы Кривую и переулка Балтасис, увидел на мостовой мертвого кота, белого с серыми пятнами, мелкого, тощего, можно сказать, знакомого; ну то есть как знакомого, просто кормил его несколько раз, когда в кармане оказывался пакетик витаминного сухого корма из зоомагазина в торговом центре, они там регулярно раздают перед входом рекламные образцы.

Он, конечно, знал, что такое случается: время от времени неосторожные коты попадают под колеса автомобилей, сам несколько раз буквально чудом тормозил и сворачивал, везло, обходилось без жертв; в общем, теоретически был готов к подобному зрелищу, как любой горожанин, но сейчас мертвый кот попался ему на глаза в конце трудного, скверного, на дурной сон похожего дня и стал последней каплей, вратами, через которые в человека входит верный оруженосец смерти, тяжкая свинцовая тьма. И не в том беда, что входит, а в том, что как-то внезапно оказывается по росту, по размеру, по силам, как будто всегда так и жил в мутном тумане, твердо зная, что ничего, кроме горечи, скуки и боли, человеку на этом свете не уготовано, сам дурак, что родился, теперь

терпи.

По уму, дома надо было сразу отправиться в ванную, подставить голову под кран и держать под струей холодной воды, пока не полегчает, проверенный метод, проточная вода обладает удивительным свойством уносить тошнотворную гадскую дурь. Но вместо этого почему-то, не разуваясь, вошел в кухню, сел на табурет, закрыл лицо руками и застыл в этой нелепой позе. Твердил про себя: «Чем хуже – тем лучше».

Вот интересно, кому «лучше»? Нет, правда, кому? Кота этим не воскресишь; шансов исправить все остальное, будем честны, не больше. Впрочем, неподвижно сидеть в центре темной, разогревшейся за день до состояния преисподней кухне, не включая ни кондиционер, ни кофеварку, ни даже собственную, временами неглупую голову – это и есть упражнение на тему «будем честны». Куда уж честнее.

Пока сидел, на улице окончательно стемнело, это значит, дело к полуночи; в окнах соседнего дома загорелся свет, на улице – три бледно-лиловых, почти розовых фонаря, и все это было настолько невыносимо, что он наконец-то встал, сменил пропитавшуюся потом сорочку на первую попавшуюся чистую футболку и вышел. Не куда-то конкретно, а просто из дома. К маршруту сейчас было только одно требование: не в ту сторону, откуда пришел, потому что вряд ли мертвого кота успели убрать, а смотреть на него еще раз совершенно невыносимо. Даже хуже, чем на собственное зеркальное отражение, широкое, рыхлое лицо малоприятного

перекормленного ушлепка, который скоро – любой человеческий срок – это «скоро» – бесславно умрет от какой-нибудь стариковской болезни, если очень повезет, то во сне или хотя бы как кот, внезапно, посреди улицы, даже не успев испугаться, но подобную привилегию еще поди заслужи.

Подумал, неожиданно спокойно, без злости, без тени обиды, даже почти без горечи: на самом деле совершенно неудивительно, что Эмма решила уйти от меня – вот такого. Я бы и сам от себя такого ушел, просто мне некуда, а ей – есть. Повезло.

Подумал, все так же спокойно и отстраненно, как будто с сегодняшнего утра успели пройти не часы, а годы: и что заказ мне в итоге не отдали, несмотря на клятвенные обещания, тоже неудивительно. Я же, положив руку на сердце, довольно плохой архитектор. Опытный, добросовестный и, как до сих пор казалось, с прекрасными связями, но совершенно неинтересный. Торговый центр на какой-нибудь дальней спальной окраине – мой потолок, причем не стеклянный, а бетонный, головой не пробьешь. Мантас, конечно, по-свински себя повел, ну и подумаешь, великое горе, минус старый приятель, не он первый, не он последний, мне не привыкать, а для дела так только лучше, он же и правда талантливый, в курсе всех новомодных тенденций, и к городскому пространству относится почти до смешного трепетно, в худшем случае просто ничего не испортит, пусть работает, к черту меня.

К черту меня совсем. Как того кота.

«К черту» – это оказалось в самый центр, в Старый город; черт, к слову, неплохо устроился: здесь били фонтаны, сияли разноцветные огни над летними верандами баров и ресторанов, звучала музыка, благоухали шипящие на грилях гамбургеры, пенилось пиво, лилось вино, смеялись собравшиеся за столами друзья, целовались юные пары, над полосатыми тентами с криком носились разбуженные светом и шумом птицы, даже ветер был по-настоящему свежим, как будто дул с моря, а не со стороны обмелевшей за жаркий июнь реки.

Чувствовал себя каким-то нелепым зомби, случайно забредшим на праздник торжествующей жизни, самым горемычным зомби на земле, лишенным даже последней радости живых мертвецов – аппетита. Унесите, пожалуйста, эти ваши мозги, мой голод ими не насытить, а того, что мне нужно, у вас самих нет, и не было никогда, и не будет; другое дело, что вы обнаружите эту недостачу несколько позже – завтра, через месяц или двадцать лет спустя. Вот тогда приходите, обнимемся, вместе поплачем об отсутствии хоть какого-то смысла нашего общего существования, которое – стремительный бег вниз, под гору, и невозможно ни остановить, ни даже замедлить движение, разве что упасть немного раньше положенного, не добежав, вот вам и вся «свобода воли». То есть не вам, а нам.

Строго сказал себе: только не вздумай напиться по случаю

вечера худшей пятницы в жизни, с горя нельзя, развезет. Самому же было бы противно смотреть, как рыдает над пятой по счету кружкой в пивной стареющий толстый дурак.

Придерживаться принятого решения оказалось несложно. Ему сейчас совсем не хотелось выходить из темноты на свет, садиться за стол, объясняться с официантом, слушать чужие разговоры, шутки и смех; когда захотел пить, заказал в одном уличном баре стакан газировки со льдом, и это оказалось почти физически больно – включиться в общий поток, быть замеченным и услышанным. Больше нигде не останавливался, но и обратно к дому не поворачивал, а кружил по Старому городу, выбирая самые тихие и темные улицы, где пока не открыли ни ресторанов, ни баров, ни клубов, у входов которых толпятся веселые клиенты, выскочившие покурить.

Понемногу становилось легче. Прогулки по Старому городу целительны – это он понял еще в юности, когда приехал в Вильнюс учиться и, можно сказать, влюбился в его узкие улицы, заброшенные храмы и заросшие мальвами проходные дворы; впрочем, «влюбился» неточное определение, скорее был потрясен, обнаружив, каким красивым, оказывается, может быть почти полное отсутствие каких бы то ни было признаков красоты. Так до сих пор толком и не понял, чем его подкупил этот старый, но вовсе не древний, небрежно спланированный, неухоженный город, однако точно знал: от соприкосновения ног со здешними мостовыми

любая душевная боль не то чтобы вовсе проходит, но становится вполне выносимой. Ну или просто пока слоняешься по улицам без толку и цели, успеваешь привыкнуть, что теперь всегда будет так.

Шляпа натурально свалилась ему на голову. Но не с небес, а с балкона на третьем этаже высокого старого дома. Расстояние вполне приличное, сам бы ни за что не сумел так ловко попасть оттуда шляпой в прохожего – чтобы она не просто упала в руки или стукнула по башке, а села на нее, как влистая.

Там, на балконе, вовсю веселилась не то компания временно падших ангелов-туристов, не то стая перелетных ай-тишников, сорвавшихся с цепи по случаю начала выходных; во всяком случае языков, вот так сразу, на слух, насчитал как минимум три – притом что они вообще почти ничего не говорили, только хохотали, радуясь меткому попаданию. Наконец один из весельчаков крикнул на таком типичном интернациональном английском, понятном всем на свете, кроме самих носителей языка: «Оставьте пока себе! Утром вернете!»

Дурацкая шутка. «Утром вернете»! Ага, уже побежал. Но когда стоишь на балконе веселый и пьяный от запахов летней ночи больше, чем от вина, в компании таких же беззаботных балбесов, любая дурацкая шутка кажется самой удачной в жизни, это он еще помнил. Когда-то сам так умел.

Ответил: «Ладно, договорились», – развернулся и пошел дальше, неторопливо, чтобы дать этим падшим-перелетным весельчакам возможность потребовать свою шляпу назад, но они только хохотали ему вслед и громко желали удачи. Звучало как издевательство, но ясно, что это они не со зла.

Свернув за угол, увидел свое отражение в зеркальной витрине, освещенной ярким фонарем, и обнаружил, что шляпа, во-первых, зеленая. А во-вторых, очень ему идет. Мягкая мясистая ряха внезапно стала вполне выразительным лицом, нос обрел не свойственную ему прежде четкость, а подбородок словно бы выдвинулся вперед. Ну и взгляд больше не казался затравленным; впрочем, он вообще никаким не казался, потому что глаза скрылись в тени шляпных полей. Неожданное открытие. Никогда раньше не носил шляпы; получается, зря.

Стыдно признаться, но настроение после этого заметно поднялось. Хотя, казалось бы, что изменится от того, что ты стал чуть-чуть лучше выглядеть? Не настолько лучше, чтобы внезапно начать нравиться всем женщинам подряд, а ровно настолько, чтобы было не так противно, как раньше замечать себя в зеркалах. Правильный ответ: ничего не изменится. Даже Эмма не вернется; впрочем, вряд ли я ей теперь обрадуюсь, к черту Эмму, ушла – значит ушла. И все остальное к черту.

Но сердце все равно ликовало. Ничего удивительного, оно

просто мышца, не наделенная даже подобием разума, ни одной чайной ложки мозга дотошные ученые там до сих пор не нашли, в этом вопросе им можно доверять.

Несколько кварталов прошел в состоянии идиотического удовольствия собой и даже, страшно сказать, жизнью в целом – оказывается, иногда свалившаяся на голову шляпа действует не хуже стакана водки. Просто удивительно, что такой сильный наркотик еще не запрещен какой-нибудь Европейской комиссией по безопасности всех от всего. Однако, обнаружив, что его снова мучает жажда, с досадой поморщился: возвращаться к яркой иллюминации, музыке и радостным голосам даже в шляпе совсем не хотелось. Подумал: мне бы сейчас просто воды, без всего остального, что к ней прилагается, то есть без праздника, шума и смеха. И вообще без людей.

И тут же споткнулся, вернее, врезался в стоящую прямо на тротуаре упаковку питьевой воды: шесть полуторалитровых бутылок, запечатанных в пластик, с прорезанной ручкой, чтобы было удобно нести. Больно ушиб лодыжку, но ладно, по крайней мере, не упал.

Стоял над этой упаковкой, растерянно оглядывался по сторонам в поисках ее владельца. Но на улице было пусто, и окна в домах темные, и единственные обнаруженные поблизости ворота во двор заперты на замок. И ни одного кафе или бара, даже закрытого. И никаких автомобилей, благо парковка в переулке запрещена.

Наконец решился – какого черта?! Невелика кража, вода стоит копейки, а я очень хочу пить. Вскрыл упаковку, вынул одну бутылку, остальные переставил поближе к стене, чтобы больше никто не споткнулся. Отвинтил крышку, пил так жадно, словно выбрался из пустыни. Выпил добрую половину бутылки, отдышался и только после этого наконец удивился: надо же, не успел подумать, что хочу воды, и она сразу же появилась – просто так, посреди улицы, без каких-либо очевидных причин. Удивительное происшествие, кто бы сказал – не поверил бы, но как не поверить, если вода – вот она.

Вода вдохновила его даже больше, чем привлекательность собственного отражения. Господи боже, как же все-таки мало надо человеку, чтобы воспрянуть духом: дурацкая шляпа, сброшенная с балкона, упаковка воды посреди тротуара, и вот мир уже кажется удивительным добрым местом, как в детстве, мало ли что моя жизнь рухнула буквально сегодня утром, сразу по всем фронтам.

Подумал: а может, и хорошо, что она наконец-то рухнула. Сам бы ни за что не решился ее развалить, а ведь, если начистоту, дурацкое было здание. Ничего удивительного, сам ее выстроил, а архитектор я и правда довольно хреновый, никакого воображения, пора бы это уже признать. Ладно, зато живой и даже не очень старый. И совершенно точно не умру этой ночью от жажды. От всего остального – вполне возможно, но не от жажды, нет.

Рассмеялся вслух, не стесняясь гипотетических случайных свидетелей его помрачения; впрочем, на улице по-прежнему было пусто, а в окнах темно.

Воду допил неподалеку от улицы Бокшто; он довольно часто ходил через этот квартал и всегда огорчался состоянию нескольких старых домов. Не благородная ветхость, присущая большинству закоулков Старого города, а настоящая мерзость запустения – полусгнившие пороги, ржавые куски железа вместо дверей, окна, кое-как заколоченные фанерой, сквозь щели сочится вонь стихийно возникшего внутри общественного сортира; нельзя так обращаться со старыми домами, вообще ни с чем и ни с кем так нельзя.

Проходя мимо, всегда невольно прикидывал, как здорово можно было бы это отремонтировать: аккуратно и бережно, без ярких пряничных красок, без блеска и лака, без вот этой истошно оранжевой новенькой черепицы. Так, чтобы казалось, будто ремонт был сделан примерно сто лет назад, просто потом время чудесным образом прекратило свою разрушительную деятельность, и все осталось как было, не стерлось и не потрескалось; в общем, долго объяснять, проще сделать, да кто же мне даст, у зданий есть собственники, а у собственников, похоже, нет денег даже на самый примитивный ремонт, так что и говорить тут не о чем, только мечтать.

И на этот раз привычно подумал: «Вот бы...» – и далее по тексту, эти его мечты о ремонте квартала были как дав-

ным-давно выученная наизусть поэма: произнесешь первую строчку, а дальше по накатанной, само. И только добравшись до обычного финального: «И чтобы без этой карамельной имитации якобы черепицы...» — осознал наконец, что уже какое-то время стоит возле свежоштукатуренной светло-серой стены и растерянно гладит ее, как внезапно обретенную первую юношескую любовь, которую, с одной стороны, счастлив встретить и заключить в объятия, а с другой, совершенно непонятно, что теперь делать с таким подарком судьбы.

Ничего не сделал, конечно. Какое-то время молча разглядывал неожиданно похорошевший в точном соответствии с его идеальным планом квартал, а потом развернулся и пошел прочь. Ошарашенный и почему-то совершенно, без оговорок счастливый, хотя не далее как сегодня окончательно договорился с собой, что никакого счастья вообще не бывает, испытывать его — нелепый, недостойный мало-мальски мыслящего существа самообман. Впрочем, последовательность никогда не была его сильным местом, и это к лучшему, факт.

Шел, не разбирая дороги, чуть не упал, спускаясь с холма не по лестнице, как обычно, а по какой-то, прости господи, козьей тропе, но устоял на ногах, вышел к реке, сел на берегу, прямо в мокрую от росы траву. Отдышался, но в себя так и не пришел. Пожалел, что бросил курить. Отличный был способ быстро взять себя в руки; впрочем, говорят, все де-

ло не то в сосательных движениях, возвращающих человека в золотой век раннего младенчества, не то просто в глубоких размеренных вдохах. Сорвал какой-то колосок, некоторое время сосал его, потом немного погрыз. Легкая травяная горечь и никакого душевного равновесия; впрочем, этого следовало ожидать.

Сидел, думал: что это вообще было? Там же... Нет, ну правда, я совершенно трезвый, даже пока не сонный и могу поклясться: сперва все выглядело обычно, то есть как всегда. Говорят, человек часто видит не то, что на самом деле показывают, а то, что заранее ожидает увидеть, мозг так устроен, сейчас много об этом пишут, вон даже до меня донеслось, хотя я не особенно интересуюсь всеми этими популярными открытиями в области устройства сознания. Но ладно, все-таки предположим: я привык, что там руины, и увидел руины, договорились, согласен. Но запах? Как быть с запахом? Сперва я его чувствовал, там довольно сильно воняло, что, в общем, понятно, в такую-то жару. А потом, когда я бродил, как дурак, от здания к зданию, макая новенькую штукатурку, пахло только цветущей акацией, травами и речной водой – это я точно помню. Нос есть нос, глупо ему не верить, он никогда меня не подводил.

Подумал: а ведь перед этим была еще и вода. Целая упаковка, внезапно, посреди улицы, в тот самый момент, когда я захотел пить, это все-таки удивительно. Хотя теоретически, наверное, объяснимо. Было бы желание объяснять.

Голова кружилась от возбуждения, попробовал было прилечь, но оказалось очень уж мокро. И неудобно, потому что на голове... Ну елки, конечно. Дурацкая зеленая шляпа. Свалилась мне на голову, и сразу как понеслось... Неужели все дело в ней? Да ну, не может такого быть.

Не может? Тем лучше.

Волшебная шляпа, исполняющая желания, — именно то, что надо, чтобы быстро, безболезненно и даже не без некоторого удовольствия сойти с ума и забыть о своих настоящих проблемах. Самое время, когда, если не сейчас. А все-таки надо проверить эту гипотезу, благо никто не видит и не слышит, как взрослый, практически пожилой человек сидит на берегу реки и твердит вслух, на всякий случай обратив взор к светлому предрассветному небу: «Я хочу бургер. Нет, лучше бутылку вина. И красотку, готовую полюбить меня с первого взгляда. И, предположим, яхту... такую специальную яхту, способную плавать по нашим рекам, чего мелочиться, чудо, так чудо, пусть будет, хочу».

Но ничего, конечно, не произошло. Яхта не плюхнулась в бурые воды Вильняле с каких-нибудь обетованных небес, красotka не вылезла с треском из прибрежных кустов, и даже гамбургер не свалился в протянутую руку. И бокал не материализовался в другой. Обидно, но на самом деле не слишком: есть он совсем не хотел, а при мысли о вине почему-то слегка тошнило. И от влюбленной красотки не знал бы куда смыться, только ее не хватало сейчас. И яхту потребовал

просто для смеху, никогда ими не интересовался, даже теоретически. Хорошо, что не получилось. Ну ее в пень.

Подумал: а все-таки жалко. Отличная была версия про волшебную шляпу. Милое, безобидное безумие и избыточные материальные блага в качестве побочного осложнения, мне бы вполне подошло.

Подумал: с другой стороны, настоящая волшебная шляпа, по идее, должна исполнять только искренние желания. Ее не обманешь. Пить-то я хотел по-настоящему. И квартал этот дурацкий хорошо отремонтировать – тоже. Он же каждый раз душу из меня вынимал своим жалким видом. А больше я сейчас, как назло, ничего не хочу.

Подумал, невесело усмехнувшись: а желаний при этом наверняка может быть только три. Таковы сказочные законы, мы все знаем их с детства. Два я уже израсходовал. Интересно – нет, правда же интересно – что еще можно ей заказать? Чтобы Эмма передумала и вернулась? Хорошая идея, только искренне захотеть, пожалуй, уже не получится. Что я буду с ней делать после всего, что услышал утром? Нет уж, вопрос закрыт. И с заказом вопрос тоже закрыт. Даже непонятно теперь, почему я так из-за него убивался. Всех денег не зарабатываешь, а мне давно пора взять передышку, я очень устал.

Подумал: а вот кот... И поспешно, как будто и правда верил в силу волшебной шляпы, добавил: только не воскрешать его, как у Кинга в «Кладбище домашних животных», не надо мне жизнерадостных трупов в моем переулке. Луч-

ше просто все отменить, как будто ничего не случилось, как будто водитель успел свернуть на пустой тротуар и долго потом бранился, чуть не плача от облегчения, кричал шмыгнувшему в кусты коту: «Ах ты тупой засранец!» – а потом поехал дальше, взвинченный, но ужасно довольный собой. Я сам в таких случаях всегда бываю до смешного счастлив, потому что – ну все-таки жизнь. Что бы я сам о ней ни думал, а, как ни крути, драгоценность. Большая удача, если удастся ее сохранить.

Вот бы и тогда удалось.

Когда осознал, что сидит на берегу реки, обливаясь слезами, то есть натурально ревет, как в детстве, навзрыд, с такими жалобными тоненькими подвываниями, и одновременно улыбается до ушей, и глаз дергается в нервном тике, понял, что дела совсем плохи. Гораздо хуже, чем ожидал. Видимо это и называется «нервный срыв»; ладно, ничего, с кем не бывает, просто не выдержал напряжения. На самом деле еще хорошо, что дело ограничилось вполне безобидной одинокой истерикой на рассвете, могло быть гораздо хуже, особенно если бы начал вечер, к примеру, с пива, а закончил... ну, как пойдет. В общем, молодец, что не напился. А теперь, пожалуйста, возьми себя в руки. И спокойно дойди до дома, очень тебя прошу.

И дошел как миленький, запер дверь, выключил свет в прихожей, рухнул, не раздеваясь, на неудобный диван в го-

стиной; это и к лучшему, в спальне еще было полно Эмминых вещей, она обещала забрать их не позже понедельника.

Спал до трех, проснулся почти спокойным. И со зверским аппетитом, что совершенно неудивительно: в последний раз ел больше суток назад. Даже щекастое зеркальное отражение успело изрядно осунуться, в сочетании с легкой небритостью это выглядело неожиданно свежо, даже отчасти брутально. Подумал: так бы и надо оставить. Только для этого, вероятно, придется есть не чаще, чем раз в двое суток и старательно, с полной самоотдачей рыдать на рассвете – хороший, но трудноосуществимый план. Не жрать еще ладно бы, а регулярно рыдать все-таки вряд ли получится. С чего бы? Теперь вчерашние проблемы казались ему не то чтобы высосанными из пальца, но недостаточно серьезными для еще одного нервного срыва. Даже удивительно, что так расклеился. А, ну да. Из-за кота. Глупо, но на самом деле очень понятно. Жалко его, дурака дурацкого. Даже сейчас.

О шляпе вспомнил уже позавтракав, и только потому, что решил проверить, действительно ли она настолько ему к лицу, как вчера показалось. Искал ее по всему дому, включая спальню, в коридоре, на крыльце и даже в палисаднике у входа, но не нашел. Вероятно, осталась валяться в траве у реки; ничего удивительного, спасибо, что как-то доставил домой себя с телефоном, ключами и даже бумажником. Настоящий герой.

Ближе к вечеру выгнал себя в магазин за продуктами; не то чтобы было позарез надо, просто пройти лишнюю пару-тройку километров никогда не повредит. К тому же прогулки по городу действительно здорово утешают и успокаивают, это не фантазии, а вывод, сделанный на основании житейского опыта и не раз проверенный на практике, мало ли, что вышло вчера.

Специально сделал крюк, чтобы пройти по свежоотреста-вированному кварталу, проверить, что там творится. Вчера в темноте толком не разглядел. Не зря пошел, дома и правда были отремонтированы на славу, и это здорово подняло ему настроение. Как будто, смешно сказать, и правда имел к этому какое-то отношение, проектировал, консультировал или просто помогал собирать деньги. Хотя, конечно, пальцем о палец не ударил, только мечтал.

По холлу торгового центра расхаживала девушка-стажерка из зоомагазина, раздавала рекламные образцы сухого кошачьего корма на пробу, на возражения: «У меня нет кошки», – привычно отмахивалась: «Наверняка есть у кого-нибудь из ваших друзей, вот и угостите». Милая барышня, с чудесной, совсем не рекламной улыбкой, такую не хочется огорчать отказом. И, тем более, печальной историей о сбитом машиной уличном коте. Поблагодарил, взял пакетик, сунул в карман, развернулся и вышел из магазина, так и не купив хлеба, молока и оливок, ради которых, собственно, при-

ходил.

Когда маленький тощий кот, белый с серыми пятнами выбежал ему навстречу из переулка Балтасис и, как ни в чем не бывало, панибратски потерялся о штанину, он не почувствовал ни удивления, ни даже радости, только что-то вроде облегчения. Достал пакетик с кормом, разорвал, высыпал содержимое на асфальт. Кот ел, урча от восторга, а он сидел рядом на корточках, осторожно, одним пальцем, чтобы не напугать, гладил пятнистую шкурку, думал: все-таки дело в зеленой шляпе. Получается, именно в ней.

Улица Бенедиктину (Benediktinç g.) Кайпирина сердца

В два часа ночи окончательно поняла, что заснуть не удастся, да и смысла стараться уже не имеет, все равно в половине шестого вставать, встречать чертов поезд, чертовы документы, переданные с чертовым проводником.

Подумала: «Ладно, фигня, завтра суббота, днем посплю».

Примерно в два пятнадцать встала и пошла на кухню. Поставила чайник. Кофе. Кофе, кофе, кофе. Напиток богов и их скромных полуночных жриц в ритуальных серых пижамах с котятками.

Полезла в холодильник за молоком. И разочарованно охнула, обнаружив, что его осталось максимум на одну чашку. Забыла купить. Вот тупая корова. Что тут скажешь.

Ладно, ладно. Одна чашка кофе с молоком – на целых пятнадцать глотков больше, чем ни одной. Или даже на двадцать, если удастся растянуть удовольствие.

А потом, когда молока не останется ни капли...

Дураку ясно, что следует сделать потом.

Хвала всему, что в ней нуждается, в городе есть круглосуточный супермаркет. Почти в центре, почти рядом. Примерно полчаса неспешной ходьбы в один конец, и это гораздо

лучше, чем если бы магазин был где-нибудь прямо за углом. Прогулка – идеальный способ скоротать остаток теплой летней ночи. Ну, то есть формально не летней пока, а майской. Но теплой, даже слишком, этого у нее не отнять.

Это было настолько лучше, чем клевать носом у экрана компьютера, что собралась буквально за пять минут, хотя обычно одевалась подолгу – не то чтобы тщательно, скорее бестолково, вечно выбирая между двумя слишком тонкими футболками или не по погоде теплыми кофтами, забывая то надеть лифчик, то снять пижамную майку; в любом случае в последний момент выяснялось, что все не так, и приходилось начинать сначала.

Но нынче ночью все случилось как-то само собой: только решила, и вот уже вышла на улицу в джинсах и тонкой сорочке с длинными рукавами, не зябко, не жарко, в самый раз, и вид вполне приличный, совершенно нейтральный, лаконичное послание миру: «Да, я иду в магазин в половине третьего ночи, потому что мне надо. И все!»

Мир внял посланию – в том смысле, что не обращал на нее решительно никакого внимания, шумная мужская компания с галстуками набекрень не стала приглашать присоединиться к веселью, запоздалая свадебная процессия без жениха, зато с немолодой, очень пьяной невестой в измятой фате с песнями и плясками прошествовала мимо, даже одинокая дворняга обошла ее стороной, а больше по дороге никто и не встретился. Три часа ночи – самое тихое время. Все спят.

И у входа в круглосуточный супермаркет дежурит всего одно такси, а внутри работает только одна касса. И больше ни души.

Именно то что надо.

Обратно возвращалась другой дорогой, не самой прямой и короткой – просто для разнообразия. Ну и еще потому, что если в теплую майскую ночь у вас вдруг появился повод пройти через парк, а потом спуститься оттуда по пологому склону заросшего душистой травой холма, глупо его упускать. Счастье – жить так, словно любая случайно выпавшая возможность останется у тебя навсегда, и в то же время не упускать ни одной. Но хвататься за них не с паническим внутренним криком: «Сейчас или никогда!» – а просто так, от избытка сил, любопытства и энтузиазма, граничащего с жадностью. Чтобы было еще и это, и вон то, и еще, и еще – вообще все!

Это почти невозможно на самом деле. Но некоторые майские ночи словно бы специально созданы для невозможного.

И когда всего в нескольких кварталах от дома, на Бенедиктину, увидела открытый нараспашку, залитый бледным зеленоватым светом бар с лаконичной красной неоновой надписью над входом – «Bar», просто «Bar», без названия – не раздумывая туда свернула. Раньше ни за что не стала бы в одиночку соваться в незнакомую забегаловку, да еще и в ночь с пятницы на субботу, точнее в половине четвертого утра.

Вряд ли там приятная обстановка и подходящая компания, в это время обычно последние клиенты пьяными по углам валяются, а сонный бармен, проклиная все на свете, пытается вызвать им такси.

Но в этом баре никто ни по каким углам не валялся, только за самым дальним столом дремал бородатый очкарик настолько интеллигентного вида, что вокруг его лысеющей головы явственно выделялись очертания невидимой, но, несомненно, присутствующей шляпы, достаточно старомодной, чтобы не сойти за актуальный хипстерский аксессуар. И бармен был вовсе не сонный, а, напротив, бодрый, словно проснулся всего пару часов назад. И красивый. Господи боже, какой же он был красивый. Как оставшаяся за дверью звездная майская ночь, только человек. С руками, ногами и головой. Возмутительно прекрасной головой, увенчанной небрежным тяжелым узлом темных волос. В том месте головы, где у нормальных людей обычно растет простая человеческая рожа, у этого гада помещались огромные лучистые глаза, бледный высокий лоб мыслителя, гордый индейский нос, высокие скулы, элегантно небритые впалые щеки и яркий чувственный рот, сложившийся, впрочем, в улыбку, настолько приветливую, что пришлось, не сходя с места, простить ему неуместную красоту, выдающийся рост, романтический загар, мускулистые руки, большую пиратскую серьгу в по-девичьи аккуратном ухе и прочие вопиющие проявления чудовищной бестактности.

– Привет, – красавчик улыбнулся еще шире. – Ну надо же, еще кто-то, оказывается, не спит.

Сказала, мучительно краснея, но стараясь выдержать небрежный тон завсегдатая ночных заведений:

– Если вы уже закрываетесь, то закрывайтесь спокойно. Я просто мимо шла, из любопытства заглянула.

– Я не закрываюсь, – покачал головой красивый бармен. – А, напротив, смешиваю кайпириню. И чувствую себя при этом последним дураком: пить-то ее некому. Лев спит. И вдруг вы. Так все удачно совпало. Значит, кайпириня ваша. Считайте, что выиграла приз.

И поставил перед ней запотевший от холода стакан, доверху набитый колотым льдом.

Нерешительно протянула руку и тут же почти невольно отдернула, как будто стакан мог укусить. Никогда не доверяла незнакомым блюдам и напиткам. Настолько, что порой предпочитала остаться голодной и трезвой, чем пробовать неведомое что. Спросила:

– А что такое кайпириня?

Ужасно стыдно признаваться в невежестве. Но тут само вырвалось. Все к лучшему, глупо тянуть в рот неведомое зелье, не поинтересовавшись его составом – просто чтобы произвести впечатление на красавчика за стойкой. Как будто энциклопедические знания в области прикладного коктейлестроения могут компенсировать неудачную стрижку, нос картошкой, поплывший овал лица, условно лишние по ны-

нешним временам пятнадцать кило веса и прочие особые приметы, которые на самом деле не то чтобы всерьез мешают жить. А все же иногда обнаруживать себя в теле обычной умеренно некрасивой тетке средних лет бывает довольно досадно. Например, здесь и сейчас, когда ослепительно красивый бармен улыбается ласково и снисходительно, как внезапно обретенной младшей сестренке и горячо шепчет, склонившись к самому уху:

– Кайпиринья – это сок горьких зеленых лаймов, очень много колотого льда и кашаса. То есть бразильская водка из сахарного тростника. Обычно в коктейль еще добавляют немного сахара, но только не я.

– А почему?

– Ну как почему. Экономлю!

Подмигнул и скорчил такую уморительную рожу, символизирующую муки скупердяйства, что она расхохоталась от неожиданности.

Красавчик тоже рассмеялся – за компанию или просто от избытка сил. Откуда у него взялся избыток в половине четвертого утра – это, конечно, отдельная загадка.

Отсмеявшись, объявил:

– Меня зовут Сэм. И еще Вася. Одно из имен настоящее и даже записано в паспорте. А второе – просто прозвище. Какое именно, совершенно неважно. Как больше нравится, так и называйте.

«Тогда пусть будет Вася, – решила она. – Дурацкое же

имя. И хоть немного уравновесит эту невыносимую красоту. Скажешь такому: Вася, – и вроде уже вполне можно рядом стоять, даже дыхание не сбивается».

А вслух сказала:

– А я Илона. Прозвища у меня нет, и это большое упущение. Имя мне совсем не идет.

– Потому что на самом деле вы Фанни, – пожал плечами Вася-Сэм. – Это видно невооруженным глазом. Но ваши родители проморгали; впрочем, ничего удивительного, многие так ошибаются. С младенцами гораздо труднее, чем со взрослыми, их подлинные имена обычно написаны на лбах очень мелким почерком, а искусство разбирать эти письмена давным-давно утрачено.

Кивнула:

– Да, Фанни – было бы здорово. Похоже, правда мое имя. А эти красавцы – Иииилоооона! – и хоть ты тресни. Еще и папин нос мне всучили, не спрашивая согласия. И мамину фигуру. Хотя дураку понятно, что надо было наоборот. Но-сик у мамы был, как у сказочной принцессы. Зато папа длинный и тощий, пошла бы в него, была бы сейчас топ-моделью и горя не знала бы.

И даже не отругала себя за столь нелепую откровенность. Какая разница на самом деле, о чем с ним говорить. Какая, к черту, разница.

– Да ну, отлично все сложилось, – улыбнулся бармен. – Стань вы топ-моделью, не гуляли бы по городу в половине

четвертого утра. Потому что в шесть вам пришлось бы подниматься, три часа приводить себя в порядок, а потом ехать на съемку. И тогда вы не попробовали бы мою кайпиринью, а она нынче чертовски хороша. Не то чтобы я набивал себе цену, дорогая Фанни. Но именно сегодня вечером в моем баре внезапно обнаружилась лучшая кашаса в этом полушарии.

– В Северном?

– В Северном. И в Восточном заодно. По моим сведениям, ближайшая родственница этой бутылки стоит сейчас на полке в кладовой, где-нибудь в окрестностях Форталезы.

– Какой еще Форталезы?

– Форталеза – это город в Бразилии, – терпеливо объяснил Вася. Ну или Сэм. И заговорщическим шепотом добавил: – Но не в самой Форталезе, Фанни! А, скажем, где-нибудь в ста километрах езды от нее. Или даже в двухстах двадцати восемью – например. Дело не в расстоянии, тут только то и важно, что в бутылке не какая-нибудь фабричная бормотуха, а самая настоящая кашаса с самой настоящей фазенды. Сладчайшая кашаса сердца.

– Почему именно сердца?

– На самом деле лучше бы вам не спрашивать, а мне не отвечать, – улыбнулся он. – Потому что речь идет всего лишь о классификации по перегонному принципу. Кашаса головы, кашаса хвоста и кашаса сердца – такая вот немудреная деревенская терминология. Среди специалистов голова и хвост считаются полным фуфлом; честно говоря, я не настолько

сноб, чтобы целиком разделять их точку зрения. И то, и другое пил в свое время как миленький и спасибо говорил, но кашаса сердца – самая высококачественная, тут не поспоришь. А приготовленная из нее кайпиринья – это, соответственно, кайпиринья сердца. И это уже не классификация, Фанни. А чистая поэзия. Наивная, конечно, но за барной стойкой другой и не ищут. А вы все не пьете и не пьете. И разбиваете мне сердце, потому что лед неизбежно растает, и тогда окажется, что все было зря. Не стесняйтесь, пожалуйста. Я уже четверть часа мечтаю угостить кого-нибудь своей идеальной кайпириньей. Вот как Лев уснул, с тех пор и мечтаю.

– Лев – это он? – шепотом спросила Илона, указав подбородком на дрыхнувшего очкарика в невидимой шляпе. И получив утвердительный ответ, взяла наконец стакан и сделала первый глоток.

Кайпиринья была кисло-сладкая, немного терпкая, почти неразличимо горьковатая, с резким, как оплеуха, привкусом лаймовой кожуры. И показалась ей совсем слабой, почти безалкогольной. Тоже мне – тростниковая водка. Нежные какие, оказывается, эти бразильцы.

– Это обманчивая мягкость, – заметил Вася-Сэм. – В хорошей кашасе не меньше сорока градусов. Пара-тройка коктейлей, и вы внезапно застаете себя танцующей на столе. Это в лучшем случае. Другие варианты мне даже озвучивать неловко.

– Ой, – всполошилась она, – а мне в половине седьмого поезд встречать. Документы передали с проводником, если не заберу, мне крышка.

– Ясно. Тогда второй порции не будет. Растягивайте эту. Легко сказать – «растягивайте». Эта чертова кайпиринья оказалась даже не то чтобы вкусной, но такой притягательной, что не пить ее, держа в руках стакан, было почти невозможно.

– Трудно остановиться? – понимающе ухмыльнулся бармен. – Да, хорошая кайпиринья хуже приворотного зелья, по себе знаю. Закурить очень помогает, имейте в виду. Вы же курите, Фанни? Не может быть, что нет.

Совершенно растерялась от такого заявления.

– Так нельзя же в барах курить. Только на улице.

– В этом можно, – заверил ее Вася-Сэм. – Здесь моя территория. И правила – только мои.

И тут же подкрепил слова делом, извлек откуда-то маленькую черную сигариллу, невероятно вонючую, как выяснилось после того, как он ее раскурил.

– Ничего себе! – присвистнула она. – И как, не штрафуют? Или вы только по ночам так развлекаетесь? И никто до сих пор не стукнул? Немыслимо.

В ответ бармен почему-то расхохотался, да так заразительно, что она тоже улыбнулась. Хотя решительно не понимала, что тут смешного.

– Это самый забавный момент! – сквозь смех пробормо-

тал он. – Боже милостивый, как же я это люблю!

Илона окончательно опешила.

– Что забавно? И что вы любите? Штрафы?!

Он только рукой махнул и рассмеялся еще пуще. Это называется «второе дыхание». Или третье, поди за ним сосчитай.

Наконец, немного успокоившись, объяснил:

– Не штрафы, конечно, нет. Больше всего на свете я люблю объяснять своим сновидениям, что они мне просто снятся. Все сразу так удивляются! И смотрят на меня как на полного придурка. Но сниться при этом не перестают, вот что замечательно. Сами снятся и сами же спорят. Потрясающе. Обожаю!

– Так, стоп, – строго сказала Илона. – Что значит – «просто снятся»? Это плохая шутка. Совершенно не смешно! Лично я никому не снюсь. И сама не сплю. А как приличный человек шляюсь среди ночи по питейным заведениям. То есть уже, можно сказать, среди утра. Но все равно! Я не снюсь. Я есть.

– Все так говорят, – Вася-Сэм улыбался до ушей. И рожа у него была такая самодовольная, что почти перестала казаться красивым лицом.

Но плохо даже не это. А то, что его самодовольство выглядело чрезвычайно убедительно. Так что она сама внезапно усомнилась: полноте, да была ли я еще час назад? Память о себе, как понимаем мы, вообще ни фиги не доказательство,

это вам скажет любой мало-мальски начитанный любитель фантастики. Или эзотерических брошюр.

То ли кайпирина ударила ей в голову, то ли ужасная перспектива оказаться чужим сном лишила разума, но Илона совершила самый дикий поступок в своей жизни. Сказала:

– Ну уж нет. Сейчас я вам докажу, что я есть.

Перегнулась через барную стойку и цапнула этого красавчика. Зубами. За руку. Изо всех сил. Правда не до крови, все-таки зубы у человека не очень острые. И металлокерамические коронки – примерно такое же фуфло.

Но красавчику Васе-Сэму хватило. По крайней мере, он натурально взвыл, выдрал руку, отскочил и исчез. Вернее, вообще все исчезло – барная стойка, бутылки, зеленоватый свет, белые стены, низкий потолок, спящий очкарик за дальним столом. А Илона осталась. Хорошая новость. Говорила же ему: я есть!

Ну и вот.

Она стояла посреди совершенно пустой улицы Бенедиктину, сжимала в руках стакан с остатками кайпирины и не знала, плакать ей, смеяться или сразу заорать от ужаса – просто из уважения к жанру. Но вместо этого залпом допила коктейль и пошла в сторону дома. Варить кофе, приводить себя в порядок и выдвигаться на вокзал. Поскольку ни поезд, ни проводника, ни документы никто не отменял. И хорошо, пусть. Невысокая на самом деле плата за счастье быть.

Уже дома поняла, что принесла с собой этот чертов ста-

кан. Вымыла его и поставила на полку. Пусть будет. Все-таки память о приключении, вспоминая которое можно бесконечно спрашивать себя: «Что это было вообще?» – и не находить ответа. Отличный способ скоротать долгие зимние вечера, которые сейчас кажутся чем-то невозможным, но это совершенно не мешает им наступить, когда придет срок.

На вокзал пошла через Бенедиктину, благо это было по дороге. Смотрела по сторонам очень внимательно, но это оказалось ни к чему. Ни баров, ни кафе тут не было – вообще никаких. Что, кстати, довольно странно: все-таки самый центр города, главный проспект буквально в двух шагах. Где еще, казалось бы, спаивать народ. Но – ничего. Ладно, тем проще не перепутать. Нет и нет. Все предельно ясно.

В смысле не понятно вообще ни хрена.

И только вернувшись домой с вожаденным пакетом, прилегла на диван, укрылась тонким пледом и заплакала горько, как в детстве. Потому что только в детстве могла так сильно разобидеться на весь мир сразу. Неведомо за что, зато навсегда. В смысле на целых десять минут, до тех пор, пока не иссякнут слезы и силы и не придет сон.

Наверное, это просто похмелье такое удивительное после кайпирины. А что, вполне может быть. Никогда прежде ее не пила, так что сравнивать не с чем.

...Если по уму, эту историю следовало безотлагательно выбросить из головы. А чертов стакан – из кухонного шкафа, разбив предварительно на тысячу мелких осколков. Но вместо этого Илона бережно завернула его в салфетку и положила в сумку. И каждый день ходила по улице Бенедиктину, где ей примерещился бар с ослепительно красивым барменом. Да так удачно примерещился, что посудой разжиться удалось. Кто бы знал, что от галлюцинаций бывает хозяйственная польза.

Твердила себе: «Надо при случае отдать ему стакан». При каком таком случае – об этом она предпочитала не задумываться. И упрямо продолжала курсировать по Бенедиктину – сперва делала ради этого крюк по дороге с работы, но через несколько дней сообразила, что если ночное видение когда-нибудь и повторится, это скорее снова случится ночью, чем среди бела дня.

Гулять в половине четвертого утра – то еще удовольствие, если учесть, что на работу надо вставать никак не позже восьми. Но около полуночи – вполне, почему нет. Отличное время для прогулок, особенно в мае, когда благодаришь обстоятельства за любой повод выйти из дома. Потому что на улице так хорошо, что, едва высунув нос из подъезда, даешь себе слово ни одной майской ночи больше не пропустить. Но назавтра все равно почему-то остаешься дома. Такова сила инерции. Страшная на самом деле штука, хуже любых оков. Но теперь повод был, спасибо прекрасному бармену Васе.

Или Сэму. Один черт, все равно его не существует. Зато существует стакан. А я сошла с ума, это любому дураку понятно. Ну и пусть. Подумаешь. В конце концов, когда тебе сорок два года, и даже та фигня, которая была у тебя вместо личной жизни, давным-давно осталась в прошлом, влюбиться в галлюцинацию – самый щадящий и безопасный вариант. В живого человека – вот это действительно был бы ужас. Даже думать не хочу.

Так свыклась с мыслью о собственном тихом, необременительном безумии с легким осложнением в виде ночных прогулок до Бенедиктину и обратно, что совершенно не удивилась, когда во время шестой, что ли, по счету вылазки снова увидела красные неоновые буквы «Bar» и распахнутую настежь дверь, из-за которой лился зеленоватый свет.

Вошла, не раздумывая.

Красавчик Вася-Сэм обрадовался, похоже, даже больше чем она.

– Фанни! – воскликнул он, выскакивая из-за стойки. – Мне снова приснилась Фанни, все получилось, ура!

И прежде чем успела сообразить, что происходит, обнял ее, приподнял над полом и закружил, легко, как ребенка. Впрочем, что ему какие-то семьдесят шесть килограммов, он же галлюцинация. Законы физики ему не писаны.

Наконец поставил на место и сказал:

– Ты такая молодец, что меня укусила!

Даже не удивилась, что он перешел на «ты». После ее давешней дикой выходки глупо продолжать держать дистанцию. Укус, если подумать, сближает больше, чем поцелуй.

Спросила:

– Тебе что, понравилось?

– Не очень, – рассмеялся Вася-Сэм. – Больно же было! Я даже проснулся от боли. И знаешь что? От твоего укуса остался след. Я хочу сказать, наяву он тоже был – отпечаток зубов и даже небольшой синяк. И слушай, Фанни, я с тех пор сам не свой. Это же все меняет!

– Ну прям-таки все. Я тебе, между прочим, уже сто раз говорил... – раздался голос из дальнего угла, где в прошлый раз дремал интеллигент в невидимой шляпе.

Сегодня его место занимал толстый лысый старик с лохматой седой бородой до пояса, одетый так, словно только что ограбил театральную гардеробную – поверх тельняшки красный боярский кафтан, на голове кипа, на шее огромный крест, но не поповский, а супрематический, из цветной пластмассы.

– Ты можешь говорить все что угодно, – отмахнулся Вася-Сэм. – Ты самый умный человек в мире, дружище, но ты – мой сон. А тут вещественное доказательство. Захочешь – не отмахнешься!

– Зануда, – фыркнул лысый. И демонстративно отвернулся.

– Я стакан принесла, – сказала Илона. – В прошлый раз

случайно его сперла. Вернее, он остался у меня в руках, когда вы... ты... В общем, когда все исчезло. Хлоп! – и вдруг я стою на улице со стаканом в руке. Наполовину пустым. Или все-таки наполовину полным? Похоже, второе. Там еще осталась эта, как ее?.. – кайпиринья сердца. Я ее допила и пошла домой. Кстати, смотрела потом в интернете, действительно есть такой коктейль – кайпиринья. И тростниковая самогонка кашаса. И даже классификация: голова, сердце, хвост. Так и написано. Надо же, а.

– Ну, естественно, есть, – подтвердил бармен.

Взял стакан и принялся его рассматривать. Не то проверял, хорошо ли вымыт, не то искал на стекле отпечатки ее пальцев.

– Надо же, чего творится, – наконец сказал он. – Сперва этот стакан мне приснился. Потом он оказался у тебя – наяву! И ты его помыла, тоже наяву. И теперь он снова мне снится. Чистым. Чокнуться можно.

– Кто бы говорил! – возмутилась Илона. – Чокнуться! А мне каково?! Ты бы хоть объяснил, что тут вообще происходит. Я, конечно, уже почти научилась жить с мыслью, что у меня теперь иногда бывают галлюцинации. Ладно, ничего, пусть. Но если это все-таки не галлюцинация, лучше мне узнать об этом прямо сейчас. Пока я еще не успела записаться на прием к психиатру. Глупо было бы начинать принимать пилюли от того, что пока не случилось.

– Нннуу... – замялся Вася-Сэм. – Я могу попробовать

объяснить, если Лев не против.

Она невольно оглянулась в поисках давешнего очкарика, но тут снова подал голос лысый дед.

– Мне-то что, – буркнул он. – Почему я должен быть против? Делай что хочешь, это же твой сон.

– А он что, тоже Лев? – шепотом спросила Илона.

– Почему – «тоже»?

– В прошлый раз был другой человек по имени Лев. Ну, ты его так называл. Он спал. И мне досталась его кайпирина.

– А, – улыбнулся Вася-Сэм. – Это был не другой Лев, а тот же самый. Просто Лев все время выглядит по-разному. Говорит, с одной и той же рожей всюду ходить еще при жизни надоело...

– При жизни?!

– По-моему, сейчас наша гостья снова тебя укусит, – ухмыльнулся старик. – И будет совершенно права. Ты ее окончательно запутал.

– Я делаю что могу, – жалобно сказал Вася-Сэм. – Просто... Ну блин! Вы вообще когда-нибудь пробовали давать связные и логичные объяснения во сне?! То-то же. А у меня, между прочим, уже почти получается!

– Нееееет, – хором протянули Илона и Лев. И рассмеялись такому единодушию.

– Пока еще не очень, – вежливо добавила она. – Но я в тебя верю.

– Спасибо, – вздохнул Вася-Сэм. – Ладно. Попробую еще

раз. Совсем по порядку. Начну со Льва. Вот он, Лев. Посмотри на него внимательно, Фанни. Так чудовищно он на моей памяти еще никогда не выглядел. И вряд ли сможет превзойти себя в обозримом будущем. Лев – мой лучший друг. Он умер шесть лет назад. Я очень без него скучаю. Мне тяжело. И время ни хрена не лечит, врут. Но зато! Хорошая новость состоит в том, что Лев стал мне сниться. И мы снова болтаем обо всем на свете, играем в нарды или просто молча сидим рядом, как в старые времена. Вроде ничего особенного, но мне других снов не надо, лишь бы эти были почаще. И они, тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, снятся пока почти каждую ночь. Только если напиться или слишком плотно пожрать перед сном, тогда ничего не выходит. Но я уже давно завязал, сны про Льва важнее выпивки. И, тем более, жратвы.

– Рад слышать. Спасибо, дружище, – лысый старик привстал было из-за стола, но на полпути передумал и снова рухнул на место. Отхлебнул из стакана и объяснил Илоне: – Не каждый день Сэм так проговаривается. Он у нас молчун.

– Чаше всего, – продолжал Вася-Сэм, – мне снится, что я работаю в баре, и Лев ко мне заходит. И я смешиваю ему кайпириную из самой лучшей кашасы на свете. В магазине такую ни за какие деньги не купишь, за ней надо ехать в Бразилию и заводить там приятелей среди фермеров, тогда появится шанс. Но на то и сон, чтобы становились возможными невероятные вещи. Во сне у нас всегда есть кашаса сердца

с далекой фазенды, хозяин которой делает не больше пары сотен бутылок в год, только для себя и лучших друзей. Ну и для нас со Львом заодно.

– Ага, – сказала Илона. Только для того чтобы подать знак: «Я слушаю». Голова у нее шла кругом, и, кажется, поднялась температура. Или просто в баре было слишком жарко. Очень уж теплая и душная выдалась ночь. Майская, а как в июле. И кондиционер этому красавчику почему-то не снится. Возмутительное упущение.

– Просто мы когда-то хотели открыть собственный бар, – подал голос Лев. – Но вовремя поняли, что сопьемся и вылетим в трубу. Решили, ладно, пока подождем. Может, попробуем на старости лет, когда терять станет нечего. Но до этого момента я не дожил. Обидно.

– Ужасно обидно, – согласилась Илона.

– Ничего, – вздохнул Лев. – Зато теперь можно так. Со снами про меня – это у Сэма здорово получилось. А то бы я без него тоже скучал. Сто раз слышал, что после смерти люди перестают думать о живых, даже матери о своих детишках не тоскуют. Но бывают, получается, исключения. И я как раз – оно.

– Ну вот примерно так обстоят наши со Львом дела, – заключил Вася-Сэм. – Только до сих пор я думал, этот бар мне просто снится. Ну как всем людям что-нибудь снится, картинки мелькают в голове. И все! Никого больше не касается. И когда сюда заходят незнакомые люди с улицы, это ничего не значит. Просто дополнительные детали, для разнообразия. И для достоверности. Все-таки у нас тут бар, а не монашеская келья. А значит должны быть какие-то клиенты,

хоть иногда. Вот они мне и снятся, тоже просто картинки в голове. Это было мое любимое развлечение – рассказывать всем подряд, что они – просто мой сон. И слушать потом, как они возмущаются. Но теперь я начинаю понимать, что все эти люди вполне возможно заходили сюда наяву. В мое сновидение! И обычные бодрствующие прохожие, которые сейчас идут по улице, видят, как мы тут сидим. И могут зайти, если захотят. И тоже унести на память стакан. Не понимаю, как такое технически возможно. В голове не укладывается. Но я почему-то даже рад. И по этому поводу предлагаю нам всем наконец выпить.

– Опять кайпириныю? – спросила Илона. – А что, давай. Отличный коктейль.

– Хорошо, что тебе понравилось, – улыбнулся Вася-Сэм. – Может быть, теперь ты будешь часто заходить в мой бар? То есть в сон. Я тебе так рад, Фанни. Ты не представляешь. И тоже не могу объяснить, почему так. В моем возрасте трудно заводить новых друзей, но с тобой как-то сразу все получилось. Легко и просто.

– В каком это твоём возрасте?! – изумилась Илона. – Ты же младше меня. И хорошо, если не вдвое.

– Это вряд ли, – строго сказал он. – Мне вообще-то шестьдесят три. Просто мне снится, что я снова молод. И при этом красив как киноактер. Не знаю, кстати, почему. Вроде никогда ни о чем подобном не мечтал. Вообще на эту тему не парился. На обезьяну не похож, и спасибо. И вдруг на старости

лет стал сниться себе красавчиком. Все-таки подсознание – потрясающий чувак. Всегда найдет, чем удивить.

– Ничего себе! – воскликнула она. – Так ты не взаправду такой? Вот здорово!

Даже рассмеялась от облегчения.

– А я думал, что тебе понравился, – смущенно признался Вася-Сэм.

– Еще как понравился, – с легким сердцем призналась она. – Но я ужасно стеснялась. Причем именно из-за внешности. Потому что вообще-то такие, как ты, с такими, как я, даже не разговаривают, и...

– Глупости какие, – вмешался покойный Лев. – Что значит «с такими, как я»?! И почему не разговаривают? Я, между прочим, в молодости был очень даже ничего. И отлично бы с вами поговорил, доведись нам встретиться. А может, и не только поговорил бы. Но вас тогда еще на свете не было, юная леди, сами виноваты.

– Все, – твердо сказал Вася-Сэм, протягивая им стаканы. – Будем считать, что со всем разобрались. И хватит трепаться. Теперь – только кайпиринья. Лаймы, лед, кашаса. И ничего лишнего.

На этот раз ушла из бара сама, не дожидаясь, пока Вася-Сэм проснется, и все исчезнет. Не столько пьяная, сколько безудержно веселая после двух коктейлей, в таком состоянии даже уходить было не жалко – подумаешь, завтра опять

вернусь. Шла по улице по-утреннему бодряя, подпрыгивая от избытка сил, казалось, вообще больше никогда в жизни не удастся заснуть. Однако отрубилась, едва коснувшись ухом подушки. Даже будильник не поставила. Но вскочила почти вовремя, кофе успела сварить, а это главное. Чего не успела, так это обдумать произошедшее. Оно и к лучшему. Нечего тут обдумывать. Галлюцинация, видение или просто сон – какая разница, что это было, если поутру не ходишь, а летаешь от счастья, то и дело забывая приличия ради касаться земли хотя бы носками разноцветных резиновых сапог, извлеченных из кладовой по случаю зарядившего дождя. Если и существуют пилюли, способные помочь от такой беды, мы их принимать не будем. Ни за что!

«Нынче же вечером снова туда пойду, – пообещала себе Илона. – И будь что будет».

Вышла, едва дождавшись темноты, и была наказана за спешку: никакого бара на улице Бенедиктину не оказалось. Вернулась домой и даже переоделась в пижаму, решив скоротать вечер в обнимку с сериалом про Эркюля Пуаро, мало что умиротворяет, как его усы. Но в половине двенадцатого подскочила, как ужаленная, оделась и снова вышла из дома. На этот раз все получилось, бар на улице Бенедиктину приветливо сиял красным неоном, ура!

– Ура! – сказал красавчик Вася-Сэм.

– Ура! – эхом откликнулся юный мулат с выкрашенными

в зеленый цвет кудрями. То есть, надо понимать, Лев.

– Ты спишь в том же часовом поясе! – выпалила Илона. – Или в соседнем. Короче говоря, в девять вечера этот бар искать бесполезно, я поняла.

– Я вполне могу спать где угодно, да хоть в Сан-Франциско, – ухмыльнулся бармен. – Просто быть при этом совой, перепутавшей день с ночью.

Тоже верно. Но главное – расписание работы несуществующего бара Илона угадала правильно. В девять – десять вечера его не было никогда. Около полуночи – как повезет. В два часа ночи – почти гарантированно. Поэтому она заходила к Васе-Сэму и Льву не каждый день. Работу, увы, никто не отменял. Но оставались пятницы и субботы, словно бы специально созданные для пары стаканчиков кайпирины и веселой болтовни обо всем на свете с людьми, ближе которых у тебя, как внезапно выяснилось, никого нет, даром, что один дрыхнет сейчас где-то дома, а второй – и вовсе помер шесть лет назад. Впрочем, и среди рабочей недели вполне можно позволить себе разок-другой не выспаться, если наверстать упущенное на следующий день.

Или ты спишь, или ты снишься – хороший выбор. Смешной.

В ходе шестого визита Вася-Сэм научил Илону играть в нарды. «Шеш-беш» – так он говорил, и она повторяла, наслаждаясь веселым щекотным ощущением во рту: «шеш-беш».

Хорошая оказалась игра, увлекательная, и при этом неспешная, как прогулка по ночному городу, непременно увидишь множество интересных вещей, которые не имеют для тебя никакого значения. Тем и хороши.

Играла с обоими по очереди, они были рады. Объясняли. играть со старым другом, да еще и во сне, все равно что с самим собой – приятно, но совсем не азартно, какая разница, кто уберет шашки с доски первым. А тут новый игрок, посторонний бодрствующий человек, свежая кровь, совсем иная логика, другая разновидность удачи, сразу хочется победить!

За играми, разговорами и коктейлями пришло и как-то незаметно прошло лето, наступила осень. Илона любила делить отпуск на части и уезжать в сентябре в опустевшую и резко подешевевшую Ниду, или в любимый Краков, или в не менее любимый Берлин, а в феврале, когда зима начинает казаться твоей собственной болезнью, куда-нибудь на пляжный юг, где можно греться на солнце, как ящерица, читать на пляже незамысловатые, ни к чему не обязывающие романы и при случае заводить такие же, исключительно для улучшения цвета и без того разбурявшегося лица.

Но в этом году ей не хотелось ни в Ниду, ни в Краков, ни в Берлин. Ни, тем более, на пляж. От добра добра не ищут, а добро – это безмянный бар, появляющийся после полуночи на улице Бенедиктину, ослепительно красивый немногословный Вася-Сэм с лучшей в мире улыбкой, его веселый

мертвый друг Лев, шеш-беш и, конечно, кайпирина. Когда коктейльный стакан наполовину полон, чего еще можно желать.

Так и сказала Васе-Сэму:

– Не хочу в этом году никакого отпуска. Глупо будет не сниться тебе целых две недели кряду. Разве что... Слушай, а где ты живешь? Я могла бы навестить тебя наяву. По-моему, было бы смешно: «Привет, дорогой, я твой страшный сон!» Ну чего ты морщишься? Не хочешь? Так и скажи.

– Хочу, – неуверенно ответил он. – Но лучше не надо. Наяву я совсем не такая хорошая компания, как во сне. Тебе не понравится, Фанни. И ты, чего доброго, перестанешь мне сниться. Нет уж! Тогда совсем пропаду.

– Ты уже говорил, что наяву ты совсем не красавчик, – улыбнулась она. – И тебе шестьдесят три года. Меня это совершенно не пугает. Ты – это ты.

– Я – это я, – эхом повторил Вася-Сэм. – И, подумав, добавил: – А все-таки лучше не надо. К тому же, я сейчас очень далеко. Например, в Нью-Йорке. Или во Владивостоке. Или, скажем, в Катманду. Сiju на берегу священной реки Багмати, вдыхаю дым от погребальных костров, пытаюсь привыкнуть.

– К чему?

– К смерти, конечно. Самое время.

– Просто Сэм скоро умрет, – сказал Лев. – Довольно удобно узнавать такие вещи заранее.

– Не говори ерунду, – рявкнул Вася-Сэм.

– Ерунда – это твои рассказы про Катманду. Ни фиги ты не на берегу Багмати, – укоризненно заметил Лев. – И зря. Там действительно круто. Я бы обязательно съездил, если бы заранее знал.

И, обернувшись к Илоне, объяснил:

– Я-то просто на мотоцикле разбился. Всю жизнь о нем мечтал и наконец дорвался, практически на старости лет. Впрочем, года два ездил нормально. А потом... Случайность на самом деле. Просто не повезло. Сэму повезло больше. Он знает, сколько у него времени. И вполне мог бы съездить в Катманду – например. Да куда угодно, пока силы есть. А он заперся дома и видеть никого не хочет, кроме нас с тобой. Да и то только во сне.

– Так нечестно, – сказала наконец Илона. Ничего другого ей в голову не пришло. Зато потом она заплакала. Очень удачно получилось, когда плачешь, можно ничего не говорить.

...Несколько дней ходила пришибленная этой новостью. И улицу Бенедиктину обходила десятой дорогой, даже днем, когда никакого бара там гарантированно не было. Думала сердито: «Если тебя все равно скоро не станет, тогда и сейчас ничего не надо. А то потом выяснится, что я уже не могу без тебя жить. То есть вообще не могу, как без воздуха. А пока просто очень плохо. Можно перетерпеть».

Ее решимости не хватило даже на неделю. Когда настал вечер пятницы, выскочила из дома, не дожидаясь полуночи. Нарезала круги по городу, заглянула в один бар, в другой, в третьем даже заказала «Маргариту», но ушла, не допив. Какой смысл пить что-то, кроме кайпирины сердца, мутно-желтой, как воды священной реки Багмати, пьянящей, как любовь, ледяной, как вечность, которая рано или поздно разлучит нас всех, и какого черта я буду добровольно ей помогать? Сегодня мы еще есть, и весь мир принадлежит нам, вечность подождет.

– Я боялся, что ты не придешь, – сказал Вася-Сэм. – Потому что мы с тобой похожи, Фанни. Я бы и сам на твоём месте больше не пришел. Наверное. Нет, на самом деле не знаю, как бы я поступил. Но захотел бы больше не приходить, это точно.

– Вот и я захотела, – кивнула она. – И даже не то чтобы не смогла. Просто передумала. Поняла, что еще успею поплакать и потосковать. Это нельзя отменить, но можно отложить на потом. Давай, что ли, выпьем.

– Правильное решение, – подал голос длинный, как жердь, загорелый блондин, наряженный в карнавальный костюм медведя. – Ты – наш человек, Фанни. Я это с самого начала понял. И поэтому сказал тебе правду про Сэма. Своих обманывать нельзя, даже если это сделает их счастливыми. Такая цена настоящей дружбы.

– Правильно сделал, – сказала она. – Если бы этот бар просто однажды без предупреждения исчез, я бы, наверное, чокнулась, не понимая, что произошло. А теперь, конечно, тоже чокнусь. Но просто от горя. Это нормально, со всеми бывает, пусть.

У них впереди была еще целая долгая-долгая осень. И два месяца зимы, дождливый декабрь и морозный январь. А между ними самое лучшее в мире Рождество – с кайпириньей, бенгальскими огнями, танцами под «Madness» и подарками. Когда кому-то приснилось, что он подарил тебе кольцо с сапфиром, а ты, как ни в чем не бывало, носишь потом это кольцо наяву, к психиатру идти явно поздновато. Все к лучшему, к черту его!

А в феврале внезапно наступила весна. Морозы ушли, и уже больше не возвращались. Горожане ходили в зимних пальто нараспашку, сами себе не веря, не решаясь их снять, даже когда термометры дружно показывали плюс семь в тени. Сколько они показывали на солнце, Илона даже проверять не хотела. Фантаσμαгорические какие-нибудь числа, ну их.

Тепло наступило четвертого февраля, а третьего они в последний раз пили кайпиринью, всего по одному стакану, завтра вторник, рабочий день, рано вставать. Лев был в армейском маскхалате, в соломенной шляпе-канотье и при роскошных усах, Вася-Сэм продул Илоне три партии в нарды

подряд, радовался ее победам, как своим, и рассуждал, что при всяком приличном баре должен жить толстый нахальный кот. Даже удивительно, что кот ему до сих пор так и не приснился. С людьми почему-то получается проще: захотел, и – voila! Все уже тут.

«Это был очень хороший последний раз», – думала потом Илона, бесцельно бродя по улице Бенедиктину с половины двенадцатого до половины четвертого утра, каждую ночь, уже не веря, даже не надеясь, просто из чувства долга, чтобы быть потом совершенно уверенной, что не упустила шанс.

«Это был очень хороший последний раз, – говорила она себе, – потому что мы не знали, что он последний. Ну я – точно не знала. Да и мальчики, скорее всего, нет. И все было так обыкновенно. Так обыденно. Мы не прощались навсегда, не рыдали, обнимая друг друга. Не поставили заключительную точку, и теперь до конца жизни можно думать: «Еще не конец». Вася все-таки невероятный молодец, хоть и Сэм. Такой отличный последний сон о нас ему приснился. Самая не последняя в мире последняя ночь. Ювелирная работа».

И даже почти не плакала – просто из уважения к его, ни разу не высказанной, но вполне очевидной последней воле. Хотя жизнь ее закончилась вместе с дружескими посиделками в безымянном баре, это Илона понимала достаточно ясно.

Ничего не осталось, кроме самой Илоны. А этого мало.

...Ходить на улицу Бенедиктину она перестала уже в начале марта. То есть изредка сворачивала туда, но скорее из сентиментальных соображений, чем из практических. Улыбнуться гладкой стене в том месте, где когда-то была распахнутая настежь дверь, ласково погладить серый камень. Сказать ему шепотом: «Дорогой камень, еще недавно я была безумна и счастлива – вот ровно на этом месте, прикинь. Это тебя ни к чему не обязывает. Просто знай. Хоть кто-то, кроме меня, должен это знать».

В апреле шеф отправился в командировку в Бразилию. Перед отъездом был в столь приподнятом настроении, что пообещал привезти подарок. Чуть на шею ему не бросилась на радостях. Выпросила бутылку кашасы – если можно, с фазенды. Но нет так нет, хоть какую-нибудь. Почти не надеялась ее получить, шеф был отличный дядька, но рассеянный. Однако не забыл, привез. Обычную, из магазина, но все равно чудо.

По дороге домой купила лаймы. Достала из холодильника невесть когда и зачем замороженный лед. Разрезала лайм на четыре части, помяла его за неимением более подходящих инструментов ручкой молотка. Положила лед, налила кашасу. Выпила залпом, со стуком поставила стакан на стол. Громко сказала в распахнутое окно: «Я не хочу без тебя жить».

Ответа, разумеется, не последовало. Да она и не ждала.

Надела пижаму и легла спать.

Илона спала, и ей снилось, что она стоит за барной стойкой и долбит лаймы этим своим дурацким молотком. А ослепительно красивый Вася-Сэм и черный, как сажа, эфиоп в детском матросском костюме сидят на табуретах и хохочут, наблюдая за ее усилиями.

– Все через жопу, зато от сердца, – проворчала она. – Значит, кайпирина сердца нам гарантирована. Ну что вы расселись, как в гостях? Помогите мне, джентльмены. Где у нас лед?

– Мау! – басом отвечивал ей огромный полосатый кот с бандитской мордой и аристократическими кисточками на ушах.

– Надо же, – сказал Вася-Сэм. – Тебе даже кот приснился. С первого раза! Ты крута, Фанни. Ты невероятно крута.

Улица Волано

(A. Volano g.)

Культурная миссия

– Не вертите! – строго говорит мне художница, чудесная долговязая барышня хорошо если восемнадцать лет, с закрученной вокруг головы сине-зеленой косой, тремя аккуратными черными колечками в левой ноздре и буквами древнеегипетского алфавита, вытатуированными на средних фалангах пальцев. Я увидел ее на Волано, под стенами Костела Святого Михаила, и, конечно, не мог пройти мимо. Я – заядлый охотник на уличных художников. Очень их люблю.

Не знаю, сколько раз она уже выходила на улицу рисовать портреты прохожих, но подозреваю, два, максимум, три. Для рискнувшей впервые она все-таки недостаточно паникует; впрочем, может быть, просто такой спокойный характер. А для мало-мальски опытной уличной художницы слишком серьезна, как будто экзамен сдает.

Впрочем, кто угодно стал бы не в меру серьезным, обнаружив, что вот уже пять минут вместо того, чтобы рисовать портрет незнакомца – высокие скулы, прищуренные глаза, выдающийся нос, на самом деле ничего сложного, такие характерные лица обычно даже новичкам даются с первого же подхода – зачем-то выводит на дешевой бумаге зеленые и

черные волны, закручивающиеся по спирали и убегающие куда-то за край листа.

– А я не верчусь, – отвечаю я.

С одной стороны, говорю чистую правду: я смиренно сижу на ее раскладном табурете, даже практически не моргаю. Но, положив руку на сердце, из которого вот прямо сейчас состою почти целиком, конечно же вру, потому что есть еще и внутреннее движение, в этом смысле уследить за мной крайне непросто, девочка совершенно права.

Внутри у меня черт знает что творится, как всегда по весне: там кто-то поет и плачет, кричит и хохочет; над берегами моих внутренних рек стелется горький дым прошлых годов костров, а на дне моей внутренней пропасти клубится тяжелая тьма всех минувших зимних ночей, мне редко удастся избавиться от нее до самого Иванова дня, но уже набирает силу веселый юго-восточный ветер, который – попытка не пытка – буквально вот-вот, с минуты на минуту начнет ее разгонять.

Хорошо, что художнице это мешает. В смысле отлично, что она это видит, и ничего не может поделать. Не зря я морочу ей голову. И вообще я – весь, целиком – не зря.

– Извините, – говорит художница, растерянно глядя на свой рисунок, который, конечно же, кажется ей просто испорченным куском бумаги. Достает из папки чистый лист и решительно прикалывает его сверху. – Мне, наверное, пока-

залось, что вы... Ой!

«Ой» – это в данном случае не просто эмоции, а серебристая чайка. Здоровенная белая птица с желтым клювом и сизыми крыльями уселась мне на плечо и визгливо мяукает: «кьяа-а-а-а-у!» А я изо всех сил стараюсь не расхохотаться, потому что на самом деле это очень смешно, я имею в виду, история с серебристыми чайками, в которых вчера превратился Нёхиси, причем не в одну, а сразу в две дюжины штук, и теперь летает над речкой Вильняле, оглашая окрестности дикими кошачьими воплями, по весне на него иногда находят, ничего не поделаешь, мы все в этом смысле не без греха.

Ну хорошо хоть не появился сюда весь сразу, прислал всего одного гонца, а то даже не представляю, как бы эти две дюжины здоровенных птиц на мне разместились, разве что на головах друг у друга. И какой бы при этом поднялся галдеж, заранее страшно подумать. То есть, конечно, не страшно, а просто немного слишком смешно.

«Прекращай издеваться над девочкой», – примерно так следует понимать его возмущенное «кьяу». Нёхиси вечно кажется, что меня нельзя надолго оставлять без присмотра, а то вконец одичаю и начну сводить с ума всех, кто подвернется под руку. Это он зря, конечно, можно подумать, первый день меня знает. Когда это я сводил с ума кого попало? У меня очень строгий отбор.

– Как это она вас не боится? – спрашивает художница.

Хороший вопрос. Настолько хороший, что желтоклювая

чайка взлетает, захлебываясь совершенно человеческим хохотом, а я очень громко думаю: «Вот увидишь, все будет отлично», – чтобы действительно всей стаей не прилетел защищать эту славную барышню от ужасного-страшного-злого меня, грозы уличных художников. Ни одному из них до сих пор ни разу не удавалось нарисовать меня хоть немного похожим на человека, хотя среди их портретов было немало удачных, я остался очень доволен, особенно ярким ультра-мариновым кубом на черном фоне, бледным дымно-зеленым клубком, а больше всех – белым листом, который взбешенный шестой подряд неудачей художник проткнул насквозь пальцем, поранился жесткой бумагой, но не отступил, разорвал почти по диагонали, измазав кровью края. Этот портрет я забрал, отдав бедняге все деньги, ночи и леденцы, которые завалялись в карманах. И до сих пор, наверное, где-то храню.

– Извините, – вздыхает моя художница, с неприязнью уставившись на очередной исчерканный спиралями лист. – Давайте я просто отдам вам деньги и отпущу. Вы у меня почему-то совсем не получаете. И вообще ничего! Я за все это время даже глаз или нос не смогла нарисовать. Наверное, температура поднимается; говорят, в городе грипп...

Чего только люди не придумывают, чтобы остановиться на самом интересном месте! Ну уж нет, я ей не дам.

– Ерунда, – говорю. – Нет никакого гриппа, ни у тебя, ни в городе. Нормально получается, примерно таким я и видел

себя в зеркале не далее как сегодня утром. А если ты дашь себе волю и перестанешь стараться, будет совсем хорошо.

— Ладно, — сердито отвечает художница, — договорились, не буду стараться. Только потом не жалуйтесь, что потратили полчаса и целых пятнадцать евро, чтобы получить каляки-маляки, которые может любой младенец.

— Договорились, не буду, — киваю я. — Но и ты тоже не жалуйся, если вдруг поднимется буря: очень уж мне нравится, как здорово все выходит. А когда я так сильно радуюсь, я за себя не отвечаю. Не всегда, но бывает и так.

И зачарованно слежу, как зеленые и черные спирали начинают закручиваться в нужном направлении и разбегаться в правильном ритме, который вот прямо сейчас звенит и гремит у меня в висках.

Нёхиси, конечно, поджидает меня у реки. И набрасывается сразу, всей стаей. Видывал я его всяким, но, пожалуй в облике двух дюжин горластых чаек он особенно невыносим.

— Ну елки, — говорю я, уворачиваясь от его многочисленных крыльев, — не для себя же стараюсь. А только во имя искусства! И воспитания талантливой молодежи в духе высоких традиций! В нашей художественной академии есть несколько хороших педагогов, но вот именно историю модернизма преподают как попало, лишь бы отбрехаться положенным количеством часов. Кто-то должен объяснять нашим юным художникам, что такое на самом деле абстракт-

ный экспрессионизм, откуда он взялся, и от какой интересной жизни начинают так рисовать. И что на самом деле стоит за словосочетанием «живопись действия»... Эй, перестань, крыло в носу — это, во-первых, невыносимо щекотно, а во-вторых, не в тему, потому что сюрреализм!

Площадь Дауканто

(S. Daukanto a.)

Я или ночь

Анна-Алена, Анна-Алена, куда тебя понесло?

Я сижу на гряде кирпичей, и руки у меня светятся.

На самом деле ничего страшного. Со мной иногда бывает. Это надо просто переждать. Пересидеть в чужом дворе, где какая-то добрая душа оставила кирпичи под навесом – почти сухие, условно чистые, как будто специально для меня. Когда так сильно кружится голова, впору и просто на землю сесть, по сравнению с таким вариантом кирпичи – великое благо.

И вот я на этом благе сижу.

У меня кружится голова и светятся руки. И то, и другое скорее приятно, чем нет, однако с головой такая проблема, что хрен устоишь на ногах; с руками проще, только желательно, чтобы их никто не увидел. Это не так уж сложно устроить. Перчатки мне невыносимы, в них я чувствую себя почти слепым, зато у всех моих свитеров очень длинные рукава, а летом я ношу штаны с просторными карманами.

Впрочем, если даже кто-то что-то заметит, решит – показалось. И тут же выбросит из головы. В этом смысле с людьми очень легко иметь дело. Во всех остальных... ну, ко-

гда как.

Неважно.

Важно, что вот прямо сейчас я постепенно, словно бы приходя в себя после короткого тяжкого дневного сна, начинаю понимать, что происходит. Ну или вспоминать; ай, как ни назови этот процесс возвращения к собственному смыслу, правду все равно не скажешь. Потому что правда этого восхитительного момента – по ту сторону слов, в отчаянном и восторженном вдохе всем телом сразу, когда бесконечный пасмурный мир входит в тебя и говорит: «Привет, я и есть твоя жизнь». И ум сперва потрясенно умолкает, словно бы навек, но буквально миг спустя наконец-то становится ясным. Таким, как надо.

Вот и отлично. Самое время ему проясниться, потому что начинается – на самом деле уже началось – мое очередное дежурство. Немного невовремя; с другой стороны, а когда оно бывает вовремя? Никто никогда ни к чему не готов. Возможно, растерянность – это и есть готовность – в том виде, в каком она доступна здесь большинству из нас.

– Анна-Алена!

Женщина в сером пальто выходит из подворотни и растерянно оглядывается по сторонам. Вроде бы только что сюда зашла, сфотографировала красиво облезшую иштукатурку и сразу же вышла обратно. Но улица выглядит как-то иначе. Получается, я все-таки вышла куда-то не туда?

Но как?!

— Анна-Алена! — настойчиво кричит кто-то вдалеке, в соседнем дворе или даже на соседней улице, поди разбери. В этом городе странная акустика, как, впрочем, во всех старых городах.

Надо же, — думает женищина в сером пальто.

Она сама Анна — по паспорту. Имя выбрал отец, маме оно почему-то не нравилось, и она придумала «Алену», такое почти тайное домашнее имя, только для них двоих. А в школе ее, конечно, звали Аней. И в институте, и на работе — везде. Но для лучшей подружки Люси была Аленой, как для мамы. И еще для Марика. И для его сестры Кати, которая быстро стала роднее самой родной. В общем, для близких — Алена. А для чужих — Анна. Имя-щит, в каком-то смысле очень удобно.

И вдруг кто-то здесь в незнакомом городе кричит: «Анна-Алена». Смешное совпадение. Как будто зовут всю меня целиком, — думает она.

Господи, как же мне сейчас хорошо.

Я сижу в незнакомом дворе, на груде кирпичей, руки мои сияют, как два бледных северных солнца, прятать их в рукава больше не обязательно, все равно теперь до окончания дежурства меня никто не заметит. А кто все-таки заметит, того светящимися руками особо не удивишь.

С одной стороны, времени терять мне сейчас не следует.

Воздух уже начал синеть, эта жидкая предсумеречная синева почти незаметна глазу, зато явственно ощутима кожей; впрочем, и так известно, что дежурство всегда начинается в сумерках и заканчивается с приходом ночи или наступлением дня. И за это время надо довольно много успеть.

С другой стороны, спешить тоже нельзя, если я встану и пойду прежде, чем закончится сладкое головокружение, оно так и останется со мной до самого конца; это чертовски приятно, но мешает сосредоточиться, все равно что хирургу выйти на работу слегка подшофе. Крайне безответственное поведение.

Лучше еще немного подождать.

Пока все равно сижу, можно выбрать сегодняшнюю линию – в кои-то веки вдумчиво, не спеша.

Женщина в сером пальто снова заходит во двор, откуда только что вышла. Убедившись, что других ворот там нет, возвращается обратно.

Получается, по этой улице я и шла, – растерянно думает она. – Но по-моему, она выглядела как-то иначе. Дома были повыше... или нет? О господи. Все-таки великое дело – врожденный топографический кретинизм. И куда подевались прохожие? Их же было полно. Почему здесь никого нет?

И даже Анну-Алену больше никто не зовет. Какая тоска.

Теоретически мне известно, что линий бесконечно много, но я вижу только ближайшие. Точнее, те из ближайших ко мне, что нуждаются в выправлении. Вот прямо сейчас – четыре. Иногда бывает еще меньше, изредка больше. Мой рекорд – четырнадцать, и, честно говоря, не хотелось бы его повторять, потому что внутренний ритм даже одной искаженной линии мира почти невыносим для человеческого сознания, а уж когда их безмолвные вопли сливаются в хор – не дружный, о нет, напротив, абсолютно разлаженный, невыразимо противоречивый – ну, тогда только держись. Сходить с ума на дежурстве не запрещено, но все-таки очень нежелательно. Практика показывает, что безумец редко проходит свой маршрут до конца, тогда вся работа насмарку. Ну и жизнь между дежурствами тоже никто не отменял, а безумцы к ней обычно совершенно не приспособлены.

Я и так-то едва справляюсь.

В общем, чем меньше линий видишь одновременно, тем проще. Тем более, что пройти за дежурство все равно можно только одну. Хочешь, не хочешь, а приходится выбирать.

Большинство моих коллег, насколько я знаю, выбирают интуитивно, повинаясь, как говорится, велению сердца. Но мне так нельзя. Повинуясь велению сердца, я всегда, раз за разом буду выбирать серебряную линию, ее красота совершенно меня завораживает, но это, к сожалению, вовсе не означает, что я сумею ее пройти. Пока ни разу не удавалось. А тех, кому удавалось, по пальцам можно пересчитать. Мне

до них пока далеко.

Ладно, все, хватит, нет так нет. Серебряная линия мне не по зубам, пусть звенит и горчит без меня. Остаются алая, темно-зеленая и двойная невидимая, внешняя суть которой не цвет, а звук. С невидимой ясно – она не в моей компетенции, без цвета я пока идти не могу. С алой тоже ясно, в ее ритме много беспокойства, но совсем нет боли, значит, можно оставить как есть. Получается, темно-зеленая, без вариантов. Оно и неплохо, с темно-зеленой мы вполне совпадаем по темпераменту, поэтому проходить ее мне обычно скорее приятно, чем мучительно. Даже когда там все из рук вон плохо, это понятное мне «плохо», трудное, но вполне поправимое. Выправить темно-зеленую линию мира – все равно, что утешить себя, а в этом искусстве я давно преуспел, иначе как смог бы жить в промежутках между дежурствами, без связи с собственным смыслом, неприкаянной белой дырой, самой к себе близко подойти не способной.

Встаю, успеваю сделать первый внутренний шаг и даже целых два внешних, а потом обнаруживаю, что на самом деле держусь за серебряную линию, господи боже мой, все-таки за серебряную, как это я так ловко сам себя обманул?

Вопрос, впрочем, риторический. Ясно же, что на самом деле линии выбирают нас, и если уж я встал, опираясь на серебряную линию, значит так было надо, без вариантов, мне ли этого не знать.

Ладно, мое дело теперь – не рассуждать, а идти. И как бы

потом ни сложилось, эти самые первые шаги по серебряной линии – счастье. Ни с чем не сравнимое, звонкое, горькое, как она сама.

Какая тоска, – думает женщина в сером пальто.

Она уже добрую четверть часа бродит по этой пустынной улице, заглядывает во все дворы в надежде встретить хоть кого-нибудь и спросить дорогу. Но во дворах никого нет – ни старушек, гуляющих с внуками, ни хозяек, развешивающих белье, ни школьников с собаками, ни рабочих, ни пьянчужек, примостившихся с пивом у сараев, ни даже самодовольных дворовых котов.

Это так необъяснимо и глупо, что даже не страшно. Да и чего бояться среди бела дня в самом центре большого красивого города, столицы европейского государства, – утешает себя она. – Просто зашла в такой необитаемый квартал, бывает. Чего только не бывает, ох.

Но господи, какая же здесь тоска. Как будто сердце вынули, подменили, вставили вместо него ледяной кусок бесполезного чужого мяса, не способного даже сжаться от страха, не говоря уже обо всех остальных чувствах – кроме вот этой одуряющей, почти убаюкивающей тоски.

– Анна-Алена, – укоризненно говорит незнакомый мужской голос где-то совсем поблизости, чуть ли не над самым ее ухом. – Анна-Алена, бедняга, девочка моя, куда же тебя понесло.

Женщина в сером пальто оглядывается – неужели это мне говорят? Но рядом, конечно, никого нет. И не только рядом. Вообще нигде.

(Невнятное, но необходимое пояснение: алая линия – линия встреч и разлук, темно-зеленая – это линия прикосновения к тайне, невидимая, по которой мне не пройти – линия неосознанных, но долговечных преобразований; кроме них есть линии пугающих совпадений, деятельного созидания, смеха, благотворных потерь, нечаянных превращений, путаницы, забвения, защиты, страха, ненужных обретений, беспричинной нежности и изматывающей борьбы, линии сохранения зла и умножения смысла, лжи, внезапных порывов, необходимой самозащиты, ясности, исцеления и распада, обретенного равновесия, бессмысленной скорби, памяти, роста, точных подсчетов, убывания, боли, временного затмения, снов наяву, внезапной вражды, ликования, постепенного узнавания, сопротивления смерти, ремонта старых событий, замедления времени, выхода за пределы, насыщения, успешных начинаний – господи, да каких только нет, пока не увидишь их цвет, не услышишь их ритм, не узнаешь, какое великолепие стоит за моими беспомощными попытками их описать. А возлюбленная моя серебряная – линия вечной границы, рассекающей пополам всякий город и каждое сердце – между сбывшимся и мучительно невозможным, привычным и невыносимым, видимым и неизъяснимым, между

всем и всем остальным.)

Пусть что-нибудь произойдет, — думает женищина в сером пальто. — Можно плохое, можно даже совсем ужасное, пусть хоть маньяк с топором из подворотни выскочит, или собака бешеная, или стена рухнет мне на голову, лишь бы случилось уже что-нибудь вот прямо сейчас!

Но стены, конечно, не рушатся, и маньяки с бешенными псами смирно сидят по домам. И даже неведомый голос, звавший Анну-Алену, теперь молчит.

— Анна-Алена, — говорит она вслух, сама, вместо него. — Анна-Алена, дурище ты безголовое, куда тебя занесло?

Удивительное дело, но когда говоришь вслух, тоска отступает.

— Анна-Алена, Анна-Алена! — повторяет женищина в сером пальто. — Анна-Алена — это у нас я, коза безмозглая, топографическая кретинка, бедная зайка, глупое чучело — громко говорит она.

Из подворотни выходит черный кот с белым пятном на груди, неспешно пересекает пустую проезжую часть и скрывается в соседнем дворе.

— Ну хоть одна живая душа, — говорит женищина в сером пальто, глядя ему вслед.

Если достаточно долго идти, держась за линию мира, сперва начинаешь дышать в ее ритме, потом окрашиваешься

в ее цвет, а потом наконец явственно, всем телом ощущаешь, что именно пошло не так. И видишь, как это можно исправить. И, рассмеявшись от облегчения, ускоряешь шаг.

Ну, то есть на самом деле бывает по-разному, но вот прямо сейчас я смеюсь и иду все быстрее, уже практически бегу навстречу Анне-Алене, женщине с двумя именами, каким-то непостижимым образом ухитрившейся вывалиться из пространства, которое принято условно называть «реальностью», но не в одно из тождественных ему, как это обычно случается, а застряла где-то посередине, можно сказать, запуталась в нитках, соединяющих швы – и что теперь, скажите на милость, с ней делать?

Вопрос риторический, конечно. Что-что – выправлять серебряную линию. То есть идти по ней, как я сейчас иду, легко и стремительно, приплясывая от радости и азарта, размахивая светящимися руками, звать ее разными голосами – авось докричусь. Делать все это – огромное удовольствие; впрочем, получать удовольствие от процесса – моя основная обязанность, главное условие успешного ремонта.

Второе условие – дойти до конца линии прежде, чем наступит ночь. Иначе вся работа отменится, раз и навсегда, как будто я даже не начинал ее делать. Как будто не было у меня сегодня никакого дежурства. Как будто эту чертову серебряную линию никто не выправлял.

Для меня это не возымеет никаких неприятных последствий. Я даже угрызениями совести не буду мучиться, по-

тому что, во-первых, честно делаю, что могу, а во-вторых, просто забуду об этой неудачной попытке, как только закончится мое дежурство. Я всегда забываю – все или почти, до следующего раза. Все наши забывают. Говорят, некоторым опытным дежурным удастся одолеть забвение, хотя бы отчасти, но лично я с такими счастливыми не знаком.

Впрочем, сейчас важно не это. А ответ на вопрос, существует ли Анна-Алена. Все зависит от того, кто из нас придет к цели раньше – я или ночь.

Если я успею добраться до окончания серебряной линии до наступления ночи, у Анны-Алены будет только одна проблема: сочинить более-менее успокоительное объяснение сегодняшнего странного происшествия. А если я опоздаю, окажется, что такой женщины не было. То есть она вообще не рождалась – нигде, ни у кого, никогда. Даже во сне никто ее не видел. И в воображении не рисовал. Таковы свойства границы между взаимоисключающими равноправными реальностями города – она до такой степени невозможна, что делает абсолютно невозможным существование всякого, кто там оказался.

Но прямо сейчас, пока я иду, а ночь еще не настала, Анна-Алена, женщина с двумя именами, бесспорно, есть. Уже неплохо.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей о возможной неудаче, мы с серебряной линией начинаем звенеть. Громко, еще громче. Наперебой. Кто кого перезвенит.

Серебряная линия любит такие штуки – пока мы вместе, будем играть и веселиться, а там – ай, да гори все огнем, будь что будет! И я тоже люблю такие штуки, потому что вот прямо сейчас я – тоже серебряная линия мира. Неудивительно, что мы одинаково смотрим на вещи, если я – это она.

Сперва подумала, что колокольный звон ей примерещился, очень уж тихий, но вскоре к далекому колоколу присоединился второй, потом третий, минуты не прошло.

Анна-Алена! – насмешливо пели колокола. – Анна-Аленна! Анннннннна-Аленннннннна!

Дразнятся, – изумленно подумала женщина. – Надо же, колокола дразнятся! Как будто знают, что я заблудилась, как дура, испугалась неведомо чего, с собой начала разговаривать, такой крик подняла, конечно, им смешно!

Ладно, пусть. Зато теперь понятно, в какую сторону отсюда идти. Где колокола – там Старый Город. Самый центр. И какие-нибудь люди там найдутся. И такси. И даже утешительный маньяк с топором, если поискать как следует.

Развернулась и пошла.

...Сумерки меж тем синеют и сгущаются; лучше бы мне, конечно, этого не замечать, потому что предчувствие поражения замедляет мой шаг и затрудняет дыхание. На самом деле предчувствие поражения – это и есть поражение, просто

заплутавшее во времени, проявившееся прежде, чем осуществилось, но такое то и дело случается – не только с поражением, а вообще со всеми событиями. Ладно, с некоторыми из них.

К счастью, серебряной линии плевать на мои предчувствия. Она вошла во вкус и упоенно звенит за двоих.

И я упоенно звеню за двоих, потому что я – это она. Я – линия мира, которая не захотела быть кривой и наскоро придумала себе игру: как будто у меня есть помощник, такой специальный волшебный человек, способный пройти по городу веселой целительной походкой, размахивая руками, подпрыгивая, смеясь и звеня. Смешная идея, совершенно в моем духе: вместо того, чтобы выправиться самостоятельно, придумать себе помощника, который очень старается, делает, что может, переживает, что не справится, но все равно идет вперед, потому что твердо решил опередить ночь – такой молодец, но, конечно, удивительный дурак, если до сих пор не понял: я и есть серебряная линия мира, прямая и звонкая, вся, целиком, от начала и до конца.

Анна-Аленна! Аннина-Аленнннна! – наперебой звенят колокола.

Женщина в сером пальто сидит на лавке в сквере на какой-то странной треугольной площади и ревет в ручья. Что со мной было? – спрашивает себя она. – Куда я попала? Чего испугалась? Почему сразу оттуда не ушла? Отку-

да столько дурусти в одной маленькой голове?

К звону колоколов присоединяется телефон в ее кармане. Женщина достает его, смотрит на экран, улыбается сквозь слезы, нажимает зеленую кнопку.

— Да, Марчик, — говорит она. — Ой, правда? Сколько раз звонил? Прости, не услышала. Да, сделаю звонок погромче. Да, обязательно. Да-да-да, конечно, у меня все хорошо.

Я сижу на лавке, и руки у меня светятся. То есть тьфу ты, конечно, нет, показалось, просто так интересно отражается от кожи тусклый свет притаившегося у меня за спиной фонаря.

Оглядевшись и постепенно словно бы приходя в себя после короткого тяжелого дневного сна, понимаю, что сижу в сквере на площади Дауканто... Так, стоп. Дауканто?! Нет, вы это серьезно?

Зачем я сюда приперся — отдельный интересный вопрос. Никаких дел поблизости у меня сегодня вроде бы нет, да и живу я совсем в другой стороне.

Ладно, зачем — дело десятое. Более актуальный вопрос: как? Елки, совершенно не помню. Вышел из книжной лавки на Пилимо и отправился в сторону вокзала, а потом... Что было потом?

Чтобы собраться с мыслями, достаю сигарету, вдыхаю горький дым, закрываю глаза, говорю себе: слушай, хватит придуриваться, все ты прекрасно помнишь, просто поче-

му-то вбил себе в голову, будто воспоминания о дежурствах на линиях мира могут свести с ума, но, по-моему, вот эти дурацкие провалы – был там, оказался здесь – сводят с ума гораздо эффективней. Причем в какую-то мрачную и унылую сторону, я туда точно не хочу.

Я берусь за серебряную линию, как за дружескую руку – эй, помоги подняться, у меня совершенно нет сил. И тут же – не просто встаю с лавки, а натурально взлетаю. Но при этом остаюсь на земле.

Дежурство мое на сегодня закончено, но иногда за линии мира можно держаться просто так, для собственного удовольствия. По крайней мере, серебряная точно не против. Ей нравится вместе гулять.

– Анна-Алена, Анна-Алена, добро пожаловать домой!

Знакомый уже голос снова звучит почти над самым ухом, но рядом никого нет, только высокий мужчина быстрым шагом удаляется куда-то в сторону Университета, полы его распахнутой черной куртки развеваются на осеннем ветру, как нелепые пиратские паруса.

Впрочем, он, конечно же, ни при чем.

Улица Ишганитойо (Iřganytojo g.) Дурацкие зеркала

– Нелепый город, – сказала Роза, и Слава равнодушно кивнула. Не потому, что была согласна; на самом деле она пока просто не знала, согласна ли. Пока не погуляешь по городу в одиночестве, не поймешь, нравится тебе здесь или нет.

В любом случае лучше помалкивать и кивать в нужных местах – а как еще вести себя с человеком, с которым давно уже не о чем говорить? Особенно когда этот человек – твоя мать.

На самом деле, – думала Слава, – даже хорошо, что Розе здесь не нравится. Значит, есть шанс, что она захочет вернуться в гостиницу, особенно если пообещать ей планшет с коллекцией сериалов. Тогда и погуляю по-человечески. А завтра поедем дальше, даст бог, уже вечером сдам ее на руки Вальтеру, перекрещусь и забуду. И больше никаких совместных автопробегов, никогда.

– Старая добрая советская Прибалтика, которая суетливо пытается прикинуться «настоящей заграницей», как местные жители ее себе представляют, – говорила тем временем Роза, морщась от превосходного крепкого кофе, как от неспелой хурмы. – У Риги и Таллина хоть как-то, через пенъ-

колоду получается, по крайней мере, чистоту там навели. А здесь – помойка. Третью домишек худо-бедно отреставрировали, остальные оставили в руинах – и так сойдет. Зато цветочных клумб понатыкали, где надо и где не надо. И бомжей развели, по три штуки на каждую улицу, как символы космополитической свободы, надо полагать. Провинция в худшем смысле этого слова. Мыть и драить сорок лет без продоху и только потом начинать думать, можно ли показывать это людям.

Умолкнув, она с надеждой покосилась на дочь: вдруг той захочется возразить? Отлично можно было бы поспорить, у Розы уже скопилось так много убийственных аргументов, неопровержимо доказывающих ее правоту, что того гляди голова взорвется. Розе не терпелось их озвучить, но для полноценного диалога нужны два участника. А Славка только формально рядом, на самом деле где-то далеко, витает в своих фантазиях, как всегда.

Скучно ей со мной, – подумала Роза. – Наверное, даже хуже, чем мне с нею. Что ж за наказание такое эта поездка. А ведь казалось, отличная идея, замечательно проведем время, наконец-то наговоримся. И правда наговорились. За первые пару дней пути на несколько лет вперед.

Надо пощадить детку, – решила она. – Это же только я у нас барыня на вечных каникулах. А у ребенка отпуск. Короткий, как всегда. Света белого не видит с этой своей работой. И что для меня зачуханный городишко, ей – хоть какое-то

свежее впечатление. Надо ее отпустить, пусть погуляет спокойно, без моего нытья.

– Ты как хочешь, а с меня хватит, пойду обратно в гостиницу, – сказала она. И, не удержавшись, шепотом добавила: – Ты посмотри, как та девица вырядилась! Только в глухой провинции увидишь такую наивную пародию на haute couture. Обнять и плакать. Впрочем, нет, лучше, не обнимать: дешевая синтетика, наверняка колется. Даже смотреть неприятно.

А кстати, отлично девочка одета, – подумала Слава, исподтишка разглядывая долговязую носатую брюнетку с огромными, в пол-лица глазищами. – Этакий героический кэжуал-не-для-всех. И даже не скажешь, что чересчур пестро. В самый раз. Интересно, это какой-нибудь местный дизайнер? Впрочем, мне все равно не пойдет.

Тем временем у нарядной брюнетки зазвонил телефон. Она извлекла его из пришитого к причудливому рукаву кармана, какое-то время молча слушала, наконец ответила на незнакомом языке, судя по интонации, что-то вроде: «Ладно, сейчас буду», – и вдруг...

Роза сдавленно ахнула.

– Ты тоже видела? – подскочила Слава.

– Что именно? – неохотно переспросила мать. И поспешно добавила: – Ничего я не видела. Ты о чем?

– Неважно. Значит, показалось.

Совсем душой надо быть, чтобы признаться: «Я только что

своими глазами видела, как эта девушка превратилась в ворону». И еще большей душой, чтобы объяснять: «Думала, ты тоже заметила». И спрашивать: «Нет, правда, а куда она подевалась?» Ясно же, что Роза воспользуется случаем и заведет свою любимую песню: «Ты слишком много работаешь, я всегда говорила, что это до добра не доведет». И еще долго потом будет вспоминать, причем совершенно вне зависимости от того, видела она сама чудесное превращение или...

Нет, стоп. Какое может быть «видела»? Люди не превращаются в птиц, так не бывает. Просто девушка очень быстро ушла. А я как раз в этот момент моргнула, а потом на освободившийся стул села ворона. И сразу же улетела, сообразив, что ничего съедобного поблизости нет. А Роза охнула просто так. Кольнуло где-нибудь внезапно, человеческий организм велик, и у него всегда полно идей, как удивить своего обладателя. Чем дольше живет, тем больше идей, будь они неладны. Мой вон уже тоже включился в творческий процесс.

– Как-то она очень уж быстро ушла, эта модница, – наконец сказала Слава. – Я даже не успела понять, что именно тебе так не понравилось. Ладно, бог с ней. Так ты в гостиницу? Тебя проводить? Или просто сказать пароль от планшета?

– А то я не знаю твой пароль, – невольно улыбнулась Роза. – Он у тебя со школьных лет один и тот же: тройка, семерка, туз.

– Времена меняются. Тройка, семерка, дама.

– «Дама» – это что? Небось, год моего рождения?

– Да почему же твоего? Моего. Чем я не дама.

Роза внимательно посмотрела на дочку. Наконец кивнула.

– Ты права. Без бороды и усов – чем не дама. Правда, скорее бубновая, чем пиковая. Но пусть это будет твое самое большое горе, честно говоря.

Иногда, – подумала Слава, – ты вдруг начинаешь вести себя так, что кажется, будто с тобой и правда можно иметь дело.

Но вслух, конечно, ничего такого не произнесла. Не дай бог, мать расчувствуется, передумает возвращаться в гостиницу, скажет: «Пошли дальше вместе гулять», – и остаток дня будет безнадежно испорчен. Ну уж нет.

* * *

Нет, это даже удивительно, насколько меня здесь все бесит, – думала Роза, неторопливо, чтобы не потревожить разнывшуюся с утра спину, спускаясь по узкой улице вниз, к реке. – Объективно-то, город как город, далеко не худшее, что можно встретить в Восточной Европе. Не в моем вкусе, но ничего такого, чтобы с ума сходить. Устала я, что ли? Похоже на то. Дурацкая все же затея это совместное путешествие. А то я раньше не знала, что Славке со мной уже давным-давно не о чем говорить.

Я и правда устала, – думала Роза. – Дурацкая поездка по идиотскому маршруту, трясучка на дорогах, кофейные по-

мои на заправках и все эти унылые города разной степени запущенности, один только Псков чего стоил, многообещающее вышло начало, а ведь я слова худого о нем не сказала, держалась молодцом. И все эти дешевые гостиницы с кошмарными кроватями для желающих быстро и без усилий почувствовать себя инвалидами. Надеюсь, мне хватит ума больше никогда не пускаться в импровизированные малобюджетные приключения.

Кровати – это, конечно, хуже всего, – думала Роза. – Я уже почти неделю не высыпаюсь по-человечески, неудивительно, что начала отключаться практически на ходу, или как сегодня, прямо в кафе, посреди разговора, хорошо хоть со стула не свалилась. Зато успела увидеть прекрасный в своем идиотизме сон, как эта горе-модница превратилась в птицу и улетела. Вот и умница. Я бы на ее месте тоже постаралась во что-нибудь превратиться и улететь, все лучше, чем пешком по городу в таком виде ходить. На самом деле хороший получился сон. Смешной. Понять бы еще, почему он так меня растрогал, что даже думать о нем не хочется. Ладно, не хочется, и не буду. Было бы о чем.

Боковым зрением Роза заметила надпись на ветхой стене, белую на темном фоне; обернулась с азартом коллекционера, в надежде пополнить список своих претензий к этому нелепому городу: что за очередную глупость там накарябали? И остановилась от неожиданности, обнаружив, что на стене написано по-русски: «Все равно я тебя люблю». Неров-

ные, крупные, кривые, словно бы детской рукой написанные буквы. Не краской, мелом, как на школьной доске. И роза вместо точки, тоже кривая, левой задней ногой нарисованная, а все же определенно роза, не какая-нибудь ромашка. Как будто и правда...

Как будто и правда это послание лично мне, – растроганно подумала Роза. – Господь любит меня – так, что ли? Впрочем, нет, пожалуй, все-таки не Господь, сложно заподозрить Его в неумении хорошо нарисовать розу. Розы, особенно если сравнивать их с остальными творениями, явно Его конек. Отлично, Холмс, одним подозреваемым стало меньше, а что он был единственным, не беда, сейчас сочиним нового.

Например, – бодро сказала себе Роза, – меня внезапно полюбил этот город. Я его тут ругаю последними словами, даже не удосужившись рассмотреть, а он все равно любит, такой молодец. Сразу меня раскусил, понимает: я ворчу только потому, что ноет спина от ужасных гостиничных матрасов и голова от наших со Славкой тщетных попыток быть интересными друг другу. И ноги тоже ноют, хотя кроссовки, по идее, удобные, и вообще сколько я там сегодня прошла. Но почему-то все равно ноют. Естественно, мне ничего не нравится. А с этого балбеса как с гуся вода, пишет мне любовные послания на своих стенах. И одна-единственная дурацкая надпись бьет меня с моими претензиями, как пиковую даму козырным тузом. Совершенно обезоруживает. Так что это еще большой вопрос, кто тут балбес.

Сказала: «Ну, раз так, извини», – зачем-то вслух. Счастье, что вокруг никого не было. Только пустой красный автомобиль, примостившийся у самого поворота, под ветхой, хоть в музей волоки табличкой с названием улицы «Išganytojo», но такие нахальные нарушители правил парковки явно не в счет.

Ответом Розе стал птичий щебет, подозрительно похожий на соловьиную трель, хотя даже далекой от орнитологии го-

родской жительнице ясно, что для соловьев сейчас не время. Ветер принес к ее ногам пригоршню сухих розовых лепестков и волну тяжелого сладкого липового аромата – надо же, а была уверена, что липы уже отцвели. Надо же, как он старомодно за мной ухаживает, – растроганно подумала Роза. – Я была не права, хороший все-таки город.

* * *

Хороший все-таки город, – думала Слава. – И вовсе не потому, что Розе не понравился. Сам по себе хороший. Я бы тут, пожалуй, с удовольствием пожила. Вот, например, в том розовом доме, в мансарде, под крышей. Хотя знаю я, конечно, эти мансарды, летом там жарко, а зимой такая холодрыга, что никакие обогреватели не спасут. Но пожить в мансарде хочется все равно, вопреки здравому смыслу. С другой стороны, а что в моей жизни ему не вопреки? Взять хотя бы эту поездку. Удивительно, впрочем, не то, что я на нее согласилась. А то, что до сих пор об этом не жалею. По крайней мере, вот прямо сейчас – точно нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.